

**« ВСТРЕЧИ С ПРОСВЕТЛЕНИЕМ:
ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ БУДДЫ »**

САДДХАЛОКА

(Дэвид Люс)

Встречи с Просветлением: истории из жизни Будды, Саддхалока
(Дэвид Люс).

ISBN: 978-1-291-24806-7

Первое издание — © Суваннавир (Андрей Пашкевич) 2012.

Перевод с английского: Е. Жаркова.

Фрагменты из Дхаммапады — © Сангхаракшита 2001.

Иллюстрация на обложке: Будда учит Аббхидхарме в Таватимсе.
(Изображение используется на условиях лицензии свободной
документации GNU).

Веб-сайт: <http://buddhayana.ru>

e-mail: talkto@buddhayana.ru

Encounters with Enlightenment, Saddhaloka (David Luce) —

© Saddhaloka 2001.

ISBN: 978-1-899-57937-2

Windhorse Publications, Cambridge, UK.

Веб-сайт: <http://www.windhorsepublications.com>

e-mail: info@windhorsepublications.com

*Этот перевод «Встречи с Просветлением: истории из жизни Будды»
публикуется по договоренности с Windhorse Publications.*

Об авторе

Саддхалока родился под именем Дэвид Люс в Джерси в 1948 году. Он покинул Англию, чтобы продолжить обучение в университете Лидс, где получил степень бакалавра истории и серьезно заинтересовался восточными религиями, особенно буддизмом. После завершения образования он женился и отправился в Индию, где провел четырнадцать месяцев и посетил различные святые места, связанные с Буддой.

После возвращения в Британию он решил, что настало время «вернуться к земле», и провел следующие пять лет, работая на фермах, в основном в качестве пастуха. Три года из этого срока он провел в Ирландии в деревенской общине людей с трудностями в обучении.

У него сохранилась серьезная заинтересованность в медитации и буддизме, и в 1979 году он переехал с семьей в Норвич, где были другие буддисты с маленькими детьми. Двумя годами позже он прошел посвящение в Буддийском Ордене «Триратна» и получил имя Саддхалока, что означает «свет веры». Следующие тринадцать лет он провел, работая в Норвичском буддийском центре. Наряду с обучением медитации и буддизму он вел курсы по массажу и навыкам общения.

В 1995 году он переехал в «Падмалоку», ретритный центр в Норфолке, где помогает людям подготовиться к посвящению. Также он особенно заинтересован в развитии буддийской деятельности в Финляндии, Эстонии и России. У Саддхалоки есть трое взрослых детей и внука.

Введение

Когда я был подростком, к нам в Джерси переехал мой дядя. Он провел большую часть своей жизни в Бирме и рассчитывал там и умереть, но новое националистическое правительство вынудило его уехать. Когда я начал интересоваться восточными религиями, он дал мне одну книгу из своей обширной библиотеки. Это была «Жизнь Будды», собрание историй и учений из Палийского канона, составленное английским буддийским монахом Нанамоли.

Десять лет я почти не открывал этой книги. Затем, через несколько месяцев после того, как я серьезно занялся буддизмом, я отправился в первый одиночный ретрит и решил взять ее с собой. За две недели этого ретрита Будда и мир Древней Индии предстали передо мной так ярко и живо, как никогда прежде. Я получил представление о Будде как о реальном человеческом существе, которое ело и спало, болело и старело, как и мы, и в то же время передавало нечто совершенно необычайное не только посредством своих слов, но и в простых вещах – в том, как оно ходило, ело и смотрело на других людей. В его учениках я распознал те же надежды и страхи, трудности и разочарования, мелочность и великодушие, – те же противоречия, что можно обнаружить в его последователях в наши дни. Я возвращался к «Жизни Будды» снова и снова, поскольку в этой книге я открыл врата к великим сокровищам Палийского канона, благодаря которым я смог начать исследовать многочисленные его тома, доступные в переводах. Прежде эти тома казались мне довольно пугающими и недоступными, но теперь их великая сокровищница открылась мне.

Будда жил в Северной Индии две с половиной тысячи лет назад. Обретя Просветление в возрасте тридцати пяти лет, последующие сорок пять лет своей жизни он провел, странствуя по дорогам и тропам «срединных земель», территории Северной Индии, которая управлялась соперничающими королевствами Магадхи и Косалы. Он

учил всех, кто был готов слушать его: королей и нищих, философов и крестьян, домохозяек и куртизанок, убийц и святых. Среди его учеников были все. Истории многочисленных встреч Будды, а также пересказы его учений заучивались наизусть, читались его учениками-монахами на регулярных собраниях и так передавались столетиями. Когда-то существовало огромное количество собраний подобных историй и учений, составленных различными школами развивающейся буддийской традиции. Насколько нам известно, до наших дней дошло лишь одно полное собрание. Оно было записано в Шри-Ланке спустя примерно пятьсот лет после смерти Будды и стало известно как Палийский канон. Это собрание доступно на английском языке в ряде переводов, и подробные сведения о некоторых из них указаны в конце данной книги.

Это собрание историй составлено главным образом из того, что я прочел в этих английских переводах. (В Палийском каноне очень мало говорится о раннем периоде жизни будущего Будды, поэтому для рассказа об этом раннем периоде я также воспользовался гораздо более поздним поэтическим текстом под названием «Лалитавистара»). О Будде существует огромное множество историй, и я выбрал те, которые тронули меня и так или иначе вызвали мою реакцию, будь это слезы, смех или тихие раздумья. Некоторые из этих историй заключают в себе прекрасные в своей глубине учения Будды и обеспечивают очень хорошую основу для изучения и обдумывания. Я также включил в эту книгу истории, в которых нашли отражение различные качества Будды – его мудрость, рассудительность и ясность ума, таинственность, практичность, замечательная сила, мягкий юмор, смелость и бесстрашие, и, что самое главное, его доброта и сострадание.

Я не просто сопоставил разные переводы, а пересказал истории, поскольку даже в лучших переводах устойчивые выражения и буддийские термины устной традиции могут

оказаться препятствием для новичка, а мне хотелось, чтобы эти истории были понятны как можно большему числу людей. В то же самое время я пытался не увлечься своей ролью рассказчика и оставаться как можно ближе к духу и настроению первоисточника. Например, люди в Древней Индии обращались друг к другу, соблюдая изящные формальности, и мне хотелось сохранить некоторые из них вместо того, чтобы заменить неформальными обращениями, более подходящими для современной манеры говорить.

При чтении этих историй нам необходимо помнить, что люди, которые читали и слушали их изначально, жили совсем в другом мире, нежели наш, и думали не так, как мы. Истории о встречах Будды с крестьянами и странствующими святыми довольно естественным образом перемежаются с историями об его встречах с богами (которые были разнообразны), якшами (что иногда переводят как «гоблины» или «феи») и марами (злыми существами). Я просто излагаю истории о встречах Будды с этими странными и потрясающими созданиями так, как они передавались, оставляя место для ваших собственных выводов и интерпретаций.

В конце каждой истории приводится строфа из «Дхаммапады», одного из старейших разделов Палийского канона. Ученые пришли к выводу, что собрание лаконичных и глубоких учений, легшее в основу этого текста, было «приведено» в подобную форму на очень раннем этапе. Следовательно, эти учения очень близко подводят нас к тому, чтобы услышать подлинный голос самого Будды. Я оставил эти строки в том виде, в котором они были переведены, и добавил примечания для того, чтобы уточнить некоторые термины, с которыми читатель, возможно, окажется не знаком.

Эта книга предназначена не для того, чтобы прочитать ее от корки до корки, а для того, чтобы снова и снова погружаться в нее. Я надеюсь, что в этих историях и строфах из

«Дхаммапады» для вас будет оживать сам Будда, по мере того, как вы будете в своем воображении путешествовать вместе с ним по пыльным дорогам Древней Индии. Более того, я надеюсь, что эта книга вдохновит многих людей обратиться к самостоятельному исследованию великих сокровищ Палийского канона, и они найдут в нем то же вдохновение и руководство, за которые я так благодарен.

Глава 1. Уход

Давным-давно в Древней Индии у подножий Гималаев обитало жестокое и гордое племя воинов под названием шакья. Они жили в богатстве и процветании, и хотя правители соседних царств смотрели на земли шакьев с завистью, они оставили их в покое: было очевидно, что плата за любую попытку сразиться с ними будет огромной. Избранный царь шакьев носил имя Шуддходана, и весь народ любил его, поскольку он был сильным и справедливым правителем. Его жена, царица Майя, была дочерью правителя соседнего царства. В то время, когда начинается эта история, она ждала скорого появления на свет своего первенца и, по обычаю тех дней, отправилась в царство своего отца, чтобы ребенок мог родиться в доме ее предков, а ее мать и другие женщины ее рода помогали ей в родах. Однако она слишком поздно отправилась в путешествие из Капилавасту, столицы шакьев. Путешествие заняло несколько дней, и во время отдыха в прекрасной роще у нее начались роды. Посреди деревенской глуши, стоя и держась за ветвь дерева, царица Майя произвела на свет мальчика. Гонец вернулся в Капилавасту с радостной вестью о том, что у царя и царицы родился сын и наследник.

С великой радостью Шуддходана отправился навстречу своей жене и сыну, но по дороге его встретил еще один гонец с новостью, которая затуманила его радость. Царица Майя умерла, пробыв рядом со своим сыном лишь семь дней. Маленького царевича привезли в Капилавасту и назвали Сиддхартхой. Его отдали на попечение сестры Майи Паджапати, также жены Шуддходаны, которая сама недавно родила.

Святой мудрец по имени Ашита, услышав о рождении царевича, пришел во дворец, и Шуддходана велел принести ребенка. Долгое время они стояли рядом, не говоря ни слова. Затем старик произнес предсказание. Мальчику уготовано самое благоприятное будущее, и перед ним могут открыться

два пути. Он станет или великим царем, властелином мира, или, разочаровавшись во власти и богатстве, откажется от всего и станет выдающимся духовным мастером и учителем всему миру. Ашита не мог сказать, какой из двух путей изберет Сиддхартха, но царь, помнящий о воинском наследии своих предков и гордый им, решил, что это будет путь правителя.

Возмужав, Сиддхартха освоил искусство своего гордого народа. Он научился сражаться верхом на коне и на колеснице, пользоваться мечом, луком и копьем. Он вырос сильным, храбрым и красивым, и все любили его. Он знал, что ему суждено стать правителем своего народа и наслаждаться властью и привилегиями царствования и, как и подобает царю, выполнять свои обязанности.

Помня о предсказании Ашиты, Шуддходана сделал все возможное, чтобы дать Сиддхартхе возможность насладиться сладчайшими удовольствиями мирской жизни. Он жил в прекрасных дворцах, в окружении прудов и благоухающих цветов, изящной музыки, танцовщиц и юных слуг. Когда ему настало время жениться, в жены ему избрали прекрасную царевну по имени Яшодхара, и в свой срок на свет появился сын, которого они называли Рахулой. Казалось, что жизнь Сиддхартхи полна, и он наслаждается самым лучшим из того, что она может предложить. Однако теперь, когда его жизнь должна была быть полна счастья, странное беспокойство, тревога и неудовлетворение стали посещать царевича. Он попытался отделаться от них, но удовольствия, к которым он привык, показались ему пустыми и жалкими, и, не принося ему счастья, лишь усилили неудовлетворение. Чувствуя, что с царевичем происходит что-то неладное, Шуддходана пытался отвлечь его новыми развлечениями и увеселениями, но все было бесполезно.

Однажды, ощущая беспокойство и тяготясь дворцовой жизнью, Сиддхартха вызвал своего возничего Чанну и приказал ему запрячь лошадей в колесницу. Вдвоем они

понесли по городу, и во время этой скачки Сиддхартха начал ощущать, что его подавленное настроение только усиливается. Внезапно он увидел нечто, что заставило его схватить Чанну за руку и повелеть ему остановиться. Когда колесница застыла на месте, царевич указал на согбенную фигуру, волокущуюся по обочине.

– Посмотри, Чанна, посмотри! Что это? Что это? – требовал он ответа.

– Что, это? – сказал Чанна удивленно и в то же время встревоженно, потому что увидел, как побледнел и задрожал Сиддхартха. – Это всего-навсего старик. Он потерял волосы и зубы. Его кожа покрылась морщинами, тело согнулось и износилось. Года проходят, и именно так и случается. Это просто старик. Что тут странного, мой царевич?

– Стану ли я стариком, Чанна? Станет ли стариком мой сын Рахула? Станет ли подобна ему Яшодхара?

– Все старятся, царевич. Царь ты или нищий, боюсь, ни для кого нет исключения. Мы все состаримся.

Сиддхартха замолчал, потрясенный до глубины души. В первый раз в своей жизни он увидел неизбежность старения и того страдания, которым оно сопровождается, и эта жестокая правда жизни поразила его. Теперь он уже не мог видеть жизнь глазами невинного юноши. Отрезвленный, погруженный в глубокие размышления, он приказал Чанне возвращаться во дворец.

Несколькими днями позже Сиддхартха и Чанна снова отправились в поездку. Они проехали совсем немного, когда Сиддхартха снова крикнул Чанне, чтобы тот остановился. Его глазам представилось существо, которое лежало на обочине дороги, корчилось в муках и металось от боли, не замечая тех, кто пытался успокоить его.

– Чанна! – закричал Сиддхартха. – Что происходит? Что не так с этим человеком?

– Этот человек болен, царевич. Он страдает от боли. Такое случается. Такова жизнь!

На этот раз в сознании Сиддхартхи отпечатался тот факт, что существуют болезни, которые в любой момент могут украсть у человека здоровье и счастье, и он, как никогда прежде, осознал хрупкость человеческой жизни. И снова он вернулся во дворец потрясенным и глубоко погруженным в размышления о том, что увидел.

Прошло лишь несколько дней, и Сиддхартха снова повелел Чанне готовить колесницу. По дороге они попали на перекресток, где Чанне пришлось остановиться, потому что перед ними прошли четверо мужчин с носилками на плечах. На носилках лежала неподвижная фигура, завернутая в белое полотно, лицо ее было окрашено в белый цвет, а грудь усыпана цветами. Это была похоронная процессия: члены семьи несли тело родственника на площадку для сожжения трупов около реки. На этот раз царевич столкнулся с реальностью смерти. Он как будто впервые осознал ее неизбежность. Мы родились и рано или поздно должны умереть. «Но как человеку обрести смысл в жизни, которая так скоро приходит к старости, всегда уязвима перед болезнями и должна закончиться смертью?» – спрашивал себя царевич. – Как человек может обрести счастье, испытать удовольствие, если жизнь такова?»

По-видимому, этот вопрос полностью завладел Сиддхартхой, поскольку он отдалился даже от самых близких ему людей и мало интересовался едой и другими удовольствиями и занятиями своей обычной жизни. Где-то глубоко внутри себя он ощущал, что должен быть ответ, ключ к этой тайне, и что он должен сделать все, что в его силах, чтобы отыскать его.

Погруженный в беспокойство и размышления, Сиддхартха предпринял еще одну поездку с Чанной. Во время этой поездки на колеснице глазам царевича представился четвертый знак. Он увидел странствующего святого,

бредущего по обочине дороги и одетого в лохмотья, с посохом и чашей для подаяния – спокойного, безмятежного и умиротворенного. Станный покой овладел Сиддхартхой, и, глядя на этого бездомного искателя истины, он понял, что должен сделать он сам. Он должен отказаться от богатства, семьи и власти, уйти и тоже стать бездомным странником. Другого выхода не было. Ради себя самого, ради блага тех, кого он любит, ради блага всех живущих он должен полностью, совершенно посвятить себя поискам истины, которая принесет освобождение от старения, болезней и смерти.

Когда Сиддхартха рассказал отцу о своем решении, тот не принял его. Он вспомнил предсказание Ашиты и понял, что его наихудшие страхи воплощаются в реальность. Он попытался призвать царевича к здравомыслию и переубедить его. Он взывал к его чувству долга. Он напоминал царевичу о его власти и обязанностях, обо всем, что, по его мнению, могло заставить сына остаться. В качестве последнего предупреждения он окружил дворец новыми силами охраны. Но Сиддхартха был непреклонен в своем решении.

Поэтому через несколько дней, посреди ночи, Сиддхартха встал и посмотрел на спящую жену и ребенка, боясь даже поцеловать их на прощание, чтобы не разбудить. Они были так прекрасны, так безмятежны. Помня о своем великом решении, он повернулся прочь со щемящим сердцем и прокрался из дворца к тому месту, где верный Чанна ждал его с лошадью. Он сел верхом, и Чанна следовал за ним. Они ехали всю ночь и на рассвете добрались до реки, которая отмечала границу территории шакьев. Здесь они отдохнули, и Сиддхартха приготовился к тому шагу, который он вознамерился предпринять. Он медленно снял с себя все украшения и пышные одеяния и отсек мечом свои длинные волосы. Мимо проходил охотник, одетый подобно странствующему святому, и царевич подозвал его и попросил обменять его шафрановое одеяние на королевские шелка.

Охотник не мог поверить в свою удачу. Сделка совершилась быстро, и Сиддхартха завернулся в лохмотья грубой ткани. Он срезал себе грубый посох и подобрал чашу для подаяний – для того, чтобы просить себе пропитание. Тепло попрощавшись с Чанной, он оставил ему письмо для отца. Затем бывший царевич направился к реке и пошел вброд. Непреклонный в своем решении, Сиддхартха устремился к новой жизни, так и не обернувшись ни разу, чтобы взглянуть на свой дом и все, что оставил.

Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит (огонь страдания, непостоянства и отсутствия самобытия)? Покрытые тьмой, почему вы не ищете света?

«Дхаммапада», строфа 146.

Глава 2. Странник

Так царевич Сиддхартха стал странствующим отшельником Готамой, которого теперь называли просто по имени его семьи. Он привык к роскоши дворцовой жизни, и поначалу жизнь скитальца показалась ему очень сложной. Раньше он всегда ел самую изысканную пищу, яства, приготовленные искусными поварами и поданные на изящной посуде. Теперь он впервые отправился просить милостыню у бедных крестьян, а потом сел под дерево на окраине деревни, чтобы съесть ее. Когда он посмотрел на эту пищу бедняков, перемешанную в его чаше для подаяния, его стошнило и вырвало, но он продолжал попытки, и намерение его было столь твердо, что вскоре он привык к этой простой, тяжелой жизни и смог обратиться умом к своей великой цели.

Готама отправился в путь в поисках истины, но где он собирался ее искать? Вскоре он обнаружил, что не одинок в своих поисках. Он родился во времена великого духовного подъема в Индии, и, подобно ему, многие становились бродячими отшельниками. Они жили за пределами обычных ограничений общества, были бездомны и не имели собственности, но пользовались большим уважением и охотной поддержкой и богатых, и бедных. Ему пришло в голову, что кто-нибудь среди них уже нашел то, что он ищет. Он решил отправиться на поиски величайших учителей своих дней.

Прежде всего, он отправился к учителю по имени Алара Калама, который учил как величайшей истине осознанию состояния, которое он называл «невещественностью». Готама стал его учеником и следовал его наставлениям в однонаправленности ума и преданности. Вскоре он сам постиг этот состояние «невещественности». Пребывая в состоянии глубокой медитации, он ощутил великое блаженство и покой, но когда он вернулся в обычное состояние сознания, он, к своему разочарованию и ужасу, обнаружил, что великие вопросы старения, болезней и

смерти все еще стоят перед ним. Он попросил Алару Каламу дать ему новое учение, но старому мудрецу больше нечему было его учить. Понимая, что в лице Готама он обрел выдающегося ученика, Алака Калама предложил ему разделить с ним руководство всеми своими учениками и славу одного из величайших духовных учителей того времени. Однако Готама, несмотря на огромное уважение и благодарность к своему первому учителю, не мог удовлетвориться никакой иной целью, кроме той, что впервые позвала его в путь, – преодоления старения, болезни и смерти, – поэтому он попрощался и отправился дальше.

Оставался только один учитель, слава которого могла сравниться со славой Алары Каламы. Его звали Уддака Рамапутта, и он учил, что высочайшее осознание можно обрести в состоянии, которое он называл «ни восприятие, ни не-восприятие». Готама отыскал его и попросил научить ему всему, что тот знал. И снова Готама, обладавший великой устремленностью и усердием, вскоре достиг этой цели, но и это не удовлетворило его. Погрузившись в прекрасные и возвышенные состояния ума, он мог забыть о старении, болезнях и смерти, но как только он выходил из медитации, главный вопрос о том, как обрести смысл в этой жизни, вставал перед ним с новой силой. Как и Алака Калама, Уддака Рамапутта распознал в нем редкие духовные качества и предложил передать Готаме руководство своими учениками. И снова, ощущая, что это будет тупиком, Готама отказался и отправился дальше.

Еще и года не прошло с тех пор, как он покинул дом, а Готама уже успел обучиться у величайших наставников своего времени и понял, что им чего-то не хватает. Ему больше не у кого было учиться. Что ему делать теперь?

Среди его собратьев-странников было много тех, кто следовал пути аскетизма. Они верили, что, если человек полностью задушит в себе все чувственные желания,

подчинит тело и в то же время будет полностью контролировать ум, рано или поздно возвышенные состояния сознания будут приходить сами собой, и человек обретет разгадку тайны жизни. В их методы входили многие способы изощренной аскезы. Готама решил последовать этому пути и вступил на него с непоколебимой решительностью. Он оправился на поиски самых пустынных и ужасающих мест, среди которых были и те, которые населяли призраки и дикие звери, и когда подступали ужас и страх, он был тверд и не поддавался им. Чем бы он ни занимался, когда на него нападал страх, он продолжал делать это до тех пор, пока страх не утихал: если он сидел, он оставался сидеть, если он шел, он шел дальше, если он лежал, он продолжал лежать. Так он постепенно преодолел страх и ужас.

Он упражнялся в практиках контроля дыхания, которые приводили его к ощущениям, что в его голове как будто бы пронесется дикий ветер, кто-то рассекает ее мечом или стискивает грубой полосой кожи. По временам ему казалось, что мясник вспарывает уму живот или его поджаривают на горящих углях. Однако он упорно продолжал упражнения, и, хотя его постигло умственное и физическое истощение, он ни разу не позволил возникающим болезненным ощущениям завладеть его умом. Он ел все меньше и меньше и стал худым и изнуренным. Его конечности выглядели, как стебли бамбука, спина – как «верблюжье копыто». Ребра торчали, как стропила разрушенной хижины, а глаза глубоко запали в глазницы, и заглянуть в них было все равно, что заглянуть в глубокий колодец и увидеть блеск воды на дне. Прикасаясь к животу, он мог почувствовать позвоночник, а когда он потирал кожу, волосы, отмершие у корней, выпадали.

Около пяти лет Готама следовал этому пути аскетизма с твердой решимостью, которая внушала благоговение и восхищение всем, кто встречался ему на пути. Его слава росла по мере того, как он продвигался дальше, чем хватало смелости или силы ума любому другому аскету. Пять

ближайших учеников повсюду следовали за ним, ожидая его окончательного прорыва.

Но однажды, купаясь в реке, Готама упал и понял, что он ослабел настолько, что едва может подняться. Он едва не утонул, и это заставило его понять, что если он продолжит изнурять себя дальше, он скоро умрет, так и не приблизившись к своей цели. Он зашел в тупик. Осознав это, он отверг путь сурового аскетизма, принял простую питательную пищу и ощутил, что силы возвращаются к нему. Увидев, что он ест эту пищу, пятеро его последователей покинули его в отвращении, убежденные в том, что он предал их, вернувшись в жизни в роскоши, а Готама невозмутимо предался глубоким размышлениям о том, что ему делать дальше.

Вдруг ему на ум пришло детское воспоминание. Он вспомнил, как однажды весной, сидя в тени дерева розового яблока, наблюдал, как отец работает в поле, по традиции вспахивая первую борозду, и ощутил внезапный покой, блаженство и счастье. Они захлестнули его, и он провел, поглощенный ими, много часов. В этом переживании он почувствовал новый путь.

Тот, кто не пользуется своими (духовными) возможностями, кто, будучи молод и силен, ленив, слаб в решимости и бездеятелен, – не найдет пути к пониманию.

«Дхаммапада», строфа 180.

Глава 3. Просветление

Суровости аскетизма предыдущих пяти лет были отвергнуты. Принимая в качестве подаяния простую, но питательную еду, Готама медленно восстанавливал силы и здоровье, и в своем путешествии он набрел на прохладную и приятную рощу деревьев неподалеку от реки Неранджара. Она находилась довольно далеко от полей или деревень, и он мог не опасаться, что будет потревожен, однако достаточно близко от селения, чтобы иметь возможность ежедневно просить милостыню и поддерживать свою жизнь. Он решил остаться здесь и исследовать новые перспективы, открывшиеся перед ним воспоминанием о его мальчишеском ощущении блаженства под деревом розового яблока. Набирала силу летняя жара, когда он предался медитации. Новые глубины ума и существования стали открываться ему. Наконец, в прекрасную ночь полнолуния, ощущая, что его время настало, Готама устроился под раскидистым деревом фикуса на охапке травы куша, данной ему пастухом. Он поклялся, что, даже если его плоть ослабеет и кровь иссохнет, он не поднимется с этого места, пока не достигнет своей цели. Он погрузился в еще более глубокую, ясную, безмятежную медитацию, не позволяя себе загрязняться приятными и радостными ощущениями, которые захлестывали его, не позволяя им обретать власть над его умом.

Он увидел, как разворачиваются перед ним его бесконечные прошлые жизни, одна за другой. Он увидел, как возникают и разрушаются вселенные. Он увидел, как рождаются живые существа и как они уходят согласно своим поступкам: благие и искусные поступки ведут к счастливому перерождению, а дурные и неискусные – к болезненному перерождению. Он заглянул в самую сердцевину существования и понял, как страдание возникает из страстного желания и неведения и как, укоренившись умом в страстных желаниях, ненависти и заблуждениях, существа снова и снова попадают в

бесконечный круг рождения, болезней, старения и смерти. Увидев и постигнув все это, он, наконец, освободил свое сердце. В недрах его существа совершился глубокий переворот. Он стал Буддой, Просветленным, тем, кто знает.

Несколько недель только что пробудившийся Будда почти не покидал рощи. Он сидел и погружался в безмерные чудеса своего нового видения и понимания. Затем, постепенно, он начал обращать свой ум к миру и к тому, что он должен поделиться с другими покоем и мудростью, которые он обнаружил. Он подумал: «Истина, которую я обнаружил, так тонка и так глубока. Она находится далеко за пределами всего, что можно выразить словами. Если я попытаюсь передать ее другим, они лишь неверно поймут меня. Это, несомненно, принесет страдания и им, и мне». Эта мысль Будды стала немедленно известна всем богам на всех небесах. Они следили за его продвижением с глубоким удовлетворением и испытали огромную радость, когда он, наконец, достиг своей цели. Но, когда они увидели, что он колеблется, они исполнились беспокойства и опасений.

«В мире наконец-то появился Будда, – говорили они друг другу. – Открылся путь к свободе. Но что станет с миром, что станет со всеми существами, если он не станет учить?»

В то же самое мгновение Брахма Сахампати, царь всех богов, появился перед Буддой в форме прекрасного золотого юноши. Он умолял Будду учить духовному пути ради тех, кто будет способен его понять. Несомненно, были существа с глазами, лишь слегка припорошенными пылью, которые жаждали истины, открытой Буддой.

Будда окинул взором мир, и в его просветленном видении бесконечные существа предстали как лотосы в пруду. Некоторые все еще были глубоко погружены в вязкую грязь на дне пруда, в неведение и небрежение, в то время как другие начинали подниматься в очищающейся воде к свету. Третьи чистыми высились над водой, и недоставало лишь

луча света, который побудил бы раскрыться их бутоны. Великое сострадание, неотделимое от мудрости Будды, вспыхнуло в его сердце. Ради тех, кто будет способен услышать и понять его, он решил найти возможность выразить свой опыт Просветления и научить других тому, как можно его достичь.

Много рождений прошел я в этих странствиях (в круге обусловленного существования), ища строителя дома, но не находя его. Болезненно (такое) перерождение.

Строитель дома, (теперь) я вижу тебя! Ты больше никогда не выстроишь (мне) дома! Твои стропила сломаны, твой брус разрушен. (Обусловленный) ум тоже пришел к разрушению: я достиг прекращения страстных желаний.

«Дхаммапада», строфы 153-154.

Глава 4. Первые ученики

Будде пришло время уйти из прекрасной рощи, где он, наконец, нашел истину, которую так долго искал, и начать делиться ею с другими.

«Кого мне учить первым? – спросил он себя. – Кто сможет понять эту великую истину, которая столь глубока и столь тонка?» Мысли Будды обратились к его собственным учителям, Аларе Каламе и Уддаке Рамапутте, у которых он учился в самом начале своих поисков. Они были искренними и одаренными людьми, которые, несомненно, поняли бы его, но своим божественным оком он узрел, что оба они недавно умерли.

Потом он подумал о пяти странниках, которые были его учениками во времена сурового аскетизма и отвергли его, когда он снова начал принимать пищу. И снова, используя свое божественное зрение, он увидел, что они находятся в Оленьем Парке в Исипатане (Сарнатхе), и отправился на их поиски.

Это было время жаркого солнца и проливных муссонных дождей, а от рощи на берегу Неранджары до Исипатаны лежал путь во много миль. После долгого путешествия пешком Будда наконец прибыл в Исипатану, в Олений Парк. Пять аскетов, его бывших учеников, сидели вместе под деревом и увидели фигуру в одеяниях отшельника, приближающуюся к ним издалека. Человек показался им знакомым, и вскоре они поняли, кто это. «Это отшельник Готама, который предал нас, который отказался от борьбы и вернулся к жизни в роскоши! Что ему здесь нужно?» – говорили они между собой.

Они решили сделать вид, что не замечают его, и не выказывать ему ни малейшего почтения, как они делали это, когда поклонялись ему как величайшему из аскетов. Но, когда Будда подошел ближе, они обнаружили, что не могут поступить согласно своему решению. Что-то в его манерах и

поведении вынудило их отнестись к нему с почтением, и они поднялись поприветствовать его, как приветствовали бы почетного гостя. Один из них принял его одеяние и чашу, другой приготовил сиденье из сложенных одежд, а третий набрал воды, чтобы омыть ему ноги.

Поначалу атмосфера между ними была неловкой и неудобной. Пять аскетов все еще чувствовали себя преданными Готомай, и они не могли себе представить, как кто-то, кто отверг духовный путь, как они его понимали, вообще мог обрести мудрость, которую они все искали. Однако им пришлось признать, что человек, находящийся перед ними, – не тот Готома, которого они знали. Дело было не просто в том, что он восстановил здоровье и больше не был тем худым и истощенным аскетом, рядом с которым они жили. Даже уставший и покрытый пылью после долгого путешествия, он излучал особое сияние и красоту. Находиться в его присутствии, даже просто сидеть с ним в тишине было странно и удивительно. Когда он говорил, казалось, что его слова исходят из глубочайших недр его мудрости и понимания. Он обращался к ним с такой добротой и состраданием, с которыми они никогда раньше не встречались. Вскоре все пятеро были покорены и охотно предали свои сердца Будде.

По мере того, как он говорил с ними, безмерность и важность происходящего начала медленно доходить до пяти аскетов, и поначалу даже это понимание почти потрясло их. Да, Готома действительно обрел победу над старением, болезнями и смертью! Он на самом деле постиг это! Он открыл истину, в поисках которой они, подобно ему, отказались от всего. Он достиг того, на обретение чего они сами потратили долгие и трудные, полные борьбы годы. И вот он перед ними, сидит с ними и делится с ними этой новообретенной истиной. Это было все, о чем они могли мечтать, все, чего они жаждали. Они исполнились великого ликования, настойчивости и серьезности.

Когда они сели вместе под деревом в Оленьем Парке, Будда начал давать учение. Он старался придать старым словам новое значение и значимость, вывести этих отшельников за пределы их настоящего опыта к новому видению существования. Иногда Будда давал учение, иногда они задавали ему вопросы, иногда они просто сидели вместе в молчании, размышляя и медитируя. На сон или еду оставалось не так много времени. Чтобы поддерживать свое существование, аскеты по очереди отправлялись парами за милостыней, которая способна была бы накормить их всех. Дни сменялись ночами, а ночи – днями. Вдруг улыбка озарила лицо Конданна, одного из пяти аскетов. Он и Будда посмотрели друг на друга, и немедленно в них возникла радость узнавания.

«Конданна знает! Конданна знает!» – воскликнул Будда. Истина была передана, и теперь в мире появилось второе Просветленное существо. На протяжении следующих дней, один за другим, остальные отшельники также пришли к этому пониманию и разделили мудрость и сострадание Будды. Так их стало шестеро.

Многие люди, будучи охвачены страхом, ищут прибежища в (священных) горах, лесах, рощах, деревьях и храмах.

На самом деле это ненадежное прибежище. На самом деле это не лучшее прибежище. Бегство в такое прибежище не избавляет человека от всех страданий.

Тот, кто обращается к прибежищу в Будде, в Дхарме и в Сангхе, кто видит с совершенной мудростью Четыре благородные истины – а именно, страдание, источник страдания, выход за пределы страдания и Благородный Восьмичленный Путь, ведущий к прекращению страданий, – (для него) это надежное прибежище, (для него) это лучшее прибежище. Обратившись к такому прибежищу, он освобождается от всех страданий.

«Дхаммапада», строфы 188-192.

Глава 5. Община растет

Вскоре после Просветления пяти аскетов Будда сидел в одиночестве под деревом в Оленьем Парке в Исипатане после ночи, проведенной в медитации. В туманной дымке рассветных лучей он увидел, что к нему приближается молодой человек знатного рода, одетый в пышный наряд и златотканые туфли. Было видно, что молодой человек очень печален и страдает, он повторял себе под нос: «Это чудовищно, это ужасно». Юношу звали Яса, и он был сыном богатого торговца, живущего в Варанаси. Проснувшись рано утром после ночи, проведенной в музыке и веселье, он оглядел комнату, где спали слуги и танцовщицы. Прошлой ночью они казались такими очаровательными, но теперь руки и тела лежали как попало, некоторые храпели, некоторые пускали слюни, а другие бормотали что-то во сне. Чувство отвращения к тщете жизни, которую он ведет, охватило юношу. Он вышел из дворца, бесцельно и беспокойно брел по лесу и тут натолкнулся на Будду.

Будда знаком показал Ясе присоединиться к нему. «Подойди, Яса, и я научу тебя истине, – сказал Будда. – Есть то, что не пугает и не внушает ужаса». Услышав эти слова от безмятежного и прекрасного незнакомца, Яса почувствовал, как радость и надежда мгновенно сменили подавленность, в которую он впал. Он сбросил свои златотканые туфли, пылко сел рядом с мудрецом и стал внимательно слушать то, что тот хотел ему сказать. Будда постепенно подводил его все глубже и глубже к истине, и «знание и видение вещей как они есть» возникли в сидящем рядом с ним Ясе.

В это время во дворце проснулась мать Ясы и, не найдя сына, отправилась к своему мужу в великом отчаянии. На поиски юноши были посланы слуги. Отец Ясы присоединился к поискам и тоже направился в Олений Парк.

Когда он был еще на некотором отдалении от того места, где Яса и Будда тихо сидели вместе, Будда увидел, что отец Ясы

приближается. Зная, кто это, он использовал силы своего ума для того, чтобы помешать богатому торговцу увидеть своего сына. Подойдя поближе, отец Ясы немедленно узнал золотые туфли, лежавшие неподалеку. Он описал своего сына отшельнику и спросил его, не видел ли тот юноши. Будда ответил, что видел, и пригласил торговца посидеть с ним, пообещав, что тот скоро увидит Ясу. Торговец сел с великим облегчением и вскоре полностью погрузился в беседу с Буддой. Часы проходили, а Будда учил его, и вскоре он тоже обрел проникновение в природу вещей. Преисполнившись восторга и благодарности, он попросил Будду принять его в ученики и посвятил свою жизнь новому учителю.

Пока Будда и торговец беседовали, Яса оставался погруженным в глубокую медитацию и достиг полного Просветления. Зная, что произошло, Будда позволил торговцу увидеть своего сына. Отец Ясы преисполнился радости и умолял юношу вернуться вместе с ним во дворец, чтобы успокоить мать. Только что обретший Просветление Яса многозначительно посмотрел на Будду, и, узрев его мысли, Будда обернулся к торговцу и задал ему вопрос: «Ты думаешь, господин, что тот, кто полностью осознал истину, может когда-либо вернуться к жизни домохозяина?» Торговец признал, что это невозможно. Затем Будда сказал ему, что в это самое утро Яса вошел в собрание Просветленных. В сильном волнении торговец осознал, что его сын никогда не вернется с ним в родной дворец, но останется с Буддой. Его жизнь никогда не будет прежней. Приняв эти чувства и одновременно радуясь и печалься, торговец пригласил Будду и его последователей, в том числе и Ясу, на обед позже в тот же день. Будда согласился, и торговец вернулся домой, чтобы поделиться новостью с семьей и подготовиться к приему гостей. Был подан прекрасный ужин, после которого Будда дал учение матери Ясы и его бывшей жене, и они также стали его ученицами.

Яса был милым, веселым юношей, которого любили все в

окрестностях. Когда людей облетело известие, что он стал монахом, его друзей и знакомых охватило любопытство и желание встретиться с Буддой. «Должно быть, этот учитель совершенно необыкновенен, – говорили они друг другу, – если ему удалось покорить нашего Ясу». Они приходили один за другим, и каждый в свою очередь глубоко проникался встречей с Буддой. Через несколько дней не только Яса, но и многие из его друзей стали учениками Будды и отправились за ним вести жизнь бездомных странников.

Слухи разносились, и день за днем люди собирались, чтобы увидеть Будду и услышать его учение. Многие посвящали свою жизнь ему, его учению и общине его последователей. Будда излучал огромную положительную энергию, и эти первые ученики ощущали настойчивое чувство безотлагательности и живое ощущение того, что все возможно. Многим из них потребовалось совсем немного времени, чтобы стать Просветленными, и вскоре их было уже не шестеро, а семеро, одиннадцать, шестьдесят один.

Однажды Будда собрал всех своих учеников и попросил их идти в мир и бродить с места на место. Он повелел им учить пути Просветления на благо и счастье многих, из сострадания к миру. С этим наставлением, все еще звучащим у них в ушах, они попрощались, разошлись в разных направлениях и понесли послание Будды в города и деревни Древней Индии. Будда также отправился странствовать и давать учение.

«Все обусловленные вещи непостоянны». Когда человек видит это в своем проникновении, ему надоедают страдания. Это Путь к Чистоте.

«Все обусловленные вещи причиняют боль». Когда человек видит это в своем проникновении, ему надоедают страдания. Это Путь к Чистоте.

«Все вещи (какими бы они ни были) лишены неизменного самобытия». Когда человек видит это в своем проникновении, ему надоедают страдания. Это Путь к Чистоте.

«Дхаммапада», строфы 277-279.

Глава 6. Огнепоклонники

Во время своих странствий Будда пришел в место под названием Урувела, где жила тысяча аскетов-огнепоклонников, которые скручивали свои длинные волосы в спутанные пряди. Ими руководили три отшельника, и все они носили имя Кассапа. У Кассапы Урувелы было пятьсот учеников, у Речного Кассапы – триста, а у Кассапы Гайи – двести.

Будда отправился в место затворничества Кассапы Урувелы и попросил провести ночь в огненной пещере, где аскет выполнял свое ритуальное поклонение. Кассапа не возражал, но предупредил Будду, что ужасный нага, драконоподобный змей, живет в пещере. Он был необычайно могуществен и обладал смертельным ядом, и, почти несомненно, должен был убить Будду. Будда, казалось, был рад рискнуть своей жизнью таким образом, поэтому слегка удивленный Кассапа согласился разрешить ему остаться в огненной пещере.

Будда вошел в пещеру, постелил тростниковый коврик и устроился медитировать. Когда дракон-змей увидел это, он очень рассердился и напустил в комнату дыма, намереваясь выпроводить незваного гостя, но Будда ответил тем, что напустил еще больше дыма. Тогда нага впал в ярость и создал пламя, но Будда ответил ему собственным пламенем, и казалось, что огненная пещера раскалилась, как огромная печь. «Что ж, этому монаху пришел конец!» – самодовольно подумал Кассапа, увидев это. Но утром, к его удивлению, Будда вышел невредимым из огненной пещеры и показал ему змея, который теперь стал лишь маленькой безвредной змейкой, свернувшейся в его чаше для подаяния. Кассапе нехотя пришлось признать происшедшее, но он считал себя выше Будды и сказал себе: «Этот монах и вправду могуществен, но он не такой Просветленный мастер, как я!»

На следующий вечер Будда отправился в близлежащий лес, и ночью четыре великих царя, защитника мира, пришли

выразить ему почтение и послушать его учение. Когда Будда давал учение, великий свет озарил лес и небо, так что его можно было видеть отовсюду. Утром Кассапа, который наблюдал это магическое явление, спросил у Будды, кто посетил его прошлой ночью. Когда Будда рассказал ему, что четыре божественных царя пришли послушать его учение, Кассапа был глубоко впечатлен, но снова подбодрил себя такой мыслью: «Этот монах и вправду могуществен, но он не такой Просветленный мастер, как я!»

Вскоре после этого должна была состояться великая огненная церемония, на которую многие должны были прийти издалека, принести пищу и другие хорошие подношения. Кассапа подумал про себя не без беспокойства: «Многие из моих почитателей придут завтра, и если этот монах Готама покажет перед ними одно из своих чудес, его слава возрастет, а моя – уменьшится. Надеюсь, что он не придет».

Зная, о чем думает Кассапа, Будда удалился и не присутствовал на огненной церемонии. На следующий день, скрывая облегчение и сделав вид, что разочарован, Кассапа спросил у Будды, где тот был. Будда прямо ответил Кассаве, что прочитал его мысли и, зная о его опасениях, отправился прочь. Кассапа был несколько смущен, но, тем не менее, снова подумал: «Этот монах и вправду могуществен, но он не такой Просветленный мастер, как я!»

Дни проходили, и все продолжалось в таком же духе. Будда снова и снова показывал свои потрясающие силы, а заносчивый Кассапа продолжал думать про себя: «Он не Просветленный мастер, как я!»

Желая помочь ему увидеть истину, Будда однажды решил, что нужен резкий удар. Он прямо сказал Кассаве: «Слушай, Кассапа, ты не Просветленный мастер и не приближаешься к тому, чтобы им стать. Более того, ничто из того, что ты делаешь, не сделает тебя таковым и даже не позволит тебе

вступить на путь к Просветлению. Ты понимаешь?»

От этого резкого удара самообман Кассапы наконец рассеялся, и он осознал, какая глубокая пропасть отделяет его от Будды. Он смиренно бросился в ноги Будде и попросил, чтобы он принял его в качестве ученика. Будда радостно согласился, но у Кассапы было большое число последователей, которые верили в него, и он не мог отвергнуть их, не побеседовав с ними. Следовательно, Будда настоял, что, прежде чем он примет Кассапу в качестве ученика, Кассапа должен объяснить свои намерения ученикам и освободить их от обязательств по отношению к нему, чтобы они сами могли выбрать себе духовный путь. Будучи свидетелями последних событий и видя могущество Будды своими глазами, все до единого последователи Кассапы решили присоединиться к нему и стать учениками Будды. Они отрезали свои спутанные волосы, выбросили их в реку вместе со своими ритуальными принадлежностями и посвятили себя Будде и его учению.

Ниже по течению реки Речной Кассапа и его последователи увидели, как по волнам плывут пряди и ритуальные предметы, и им стало любопытно, что же, в конце концов, происходит. Они очень обеспокоились тем, что же стало с Кассапой Урувелы и его учениками, и отправились вверх по течению реки, чтобы это выяснить.

Когда они узнали, что произошло, Речной Кассапа спросил Кассапу Урувелы: «Этот путь лучше?» «Несомненно, да!» – был ответ. Поэтому Речной Кассапа посоветовался со своими тремя учениками, и они все решили стать последователями Будды. Вскоре по реке поплыли еще триста отрезанных шевелюр и ритуальных предметов.

Их заметили Кассапа Гайи и его последователи. Они, в свою очередь, тоже обеспокоились судьбой своих братьев-огнепоклонников и поспешили в Урувелу, чтобы узнать, что случилось. Вскоре они тоже убедились в превосходстве

учения Будды и стали его учениками. Так община его последователей пополнилась еще на тысячу человек.

Если месяц за месяцем в течение ста лет некто будет тысячекратно совершать жертвоприношения, а другой человек лишь на единственное мгновение почитит того, кто (духовно) развит, то лучше совершить этот (поступок), выражающий почтение, чем сто лет совершать жертвоприношения.

Пусть некто поддерживает священный огонь в лесу сотню лет, но, если он почитит (духовно) развитого человека хотя бы на мгновение, то лучше совершить этот (поступок), выражающий почтение, чем сто лет (поддерживать священный огонь).

«Дхаммапада», строфы 106-107.

Глава 7. Нанда и нимфы

Семь лет прошли с того утра, когда царевич Сиддхартха обменял шелка и драгоценности на одеяния странника и перешел реку, которая отмечала границы территории шакьев, оставив позади свою прошлую жизнь. Теперь Просветленный Готама вернулся в землю шакьев. Хотя после его Просветления прошел лишь год, его слава как великого святого и учителя быстро распространилась по Северной Индии. Однако шакьи были гордым народом и поначалу не проявляли охоты выказать хоть какое-то почтение этому человеку, который, как им казалось, отверг их народ и его воинские традиции, когда оставил их и стал монахом. Особенно трудно это было для царя Шуддходаны, который горячо оплакивал потерю сына и за прошедшие годы сильно состарился. Теперь в его сердце смешалась огромная радость по поводу того, что он снова видит своего сына, и глубокая печаль, потому что он увидел его в истрепанном одеянии странствующего святого. И самую большую боль причиняло ему то, что его сын, царевич рода шакьев, ходил от двери до двери, выпрашивая пропитание у людей, которые должны были бы быть его подданными. Шуддходана пытался разубедить сына, говоря, что тому, кто принадлежит к его роду, не подобает просить милостыню на улицах Капилавасту. Готама ответил, что теперь принадлежит к роду Будд, а их традицией всегда было жить без дома и собственности и просить пищу, поэтому он продолжит это делать. Тем не менее, он согласился, чтобы он и его последователи время от времени получали церемониальную пищу в качестве гостей той или другой семьи.

Шуддходана, не теряя времени, пригласил их в свой дворец, в тот же самый день, когда должно было состояться празднование по поводу будущей свадьбы сводного брата Будды Нанды, прекрасного и благородного юноши из рода шакьев. Они с Буддой сидели рядом за столом, и, когда Будда встал, чтобы уйти, он передал Нанде свою чашу для

подаяний. Нанда не знал толком, что ему делать, но из уважения к Будде и вежливости он последовал за ним, неся его чашу, из дворца и прошел за ним весь путь в рощу за городом, где остановились Будда и его последователи. Когда Нанда покидал комнату с Буддой, его невеста окликнула его: «Возвращайся скорей, царевич!» – но так случилось, что она не скоро увидела его снова. Когда они пришли в рощу, Будда спросил Нанду, не хочет ли он оставить жизнь домохозяина и последовать за ним. Все случилось довольно быстро, и Нанда был в замешательстве. У него не было никаких особых устремлений к духовной жизни, но он с огромным уважением относился к своему свободному брату и поэтому согласился, после чего был немедленно посвящен в монахи.

Через некоторое время после того, как они покинули Капилавасту, некоторые другие ученики пришли к Будде и рассказали ему, что Нанда, хотя и стал монахом, все равно придерживается дворцовых обычаев, носит тщательно отглаженные одеяния, умащает глаза и пользуется красивой чашей с глазурью. Будда позвал Нанду и спросил его, правда ли то, что ему сказали. Когда Нанда признал это, Будда призвал его к ответу, подчеркнув, что, отказавшись от всего для духовной жизни, он теперь должен жить в лесу, добывать пищу милостыней, носить одеяния, сделанные из лохмотьев, собранных среди старого тряпья, и полностью отказаться от чувственных желаний. Нанда смиренно согласился и попытался исправиться, но все еще не мог полностью привыкнуть к этой простой, трудной жизни.

Примерно через два года после того, как он покинул дворец, чтобы последовать за Буддой, Нанда вообще чуть не отказался от духовной жизни. Он начал говорить другим монахам о том, что разочарован монашеским образом жизни и жаждет вернуться в мир, который он оставил позади в Капилавасту. И снова весть об этом дошла до Будды. Он позвал Нанду и спросил его, правда ли то, что он собирается бросить жизнь отшельника.

– Да, Владыка.

– Но почему, Нанда?

– Когда я ушел с тобой в тот день, прекрасная девушка из рода шакьев, которая должна была стать моей женой, посмотрела на меня и сказала: «Возвращайся скорей, царевич». Снова и снова я думаю о ней, и эта жизнь не приносит мне счастья».

Услышав это, Будда взял Нанду за руку, и они мгновенно перенеслись в небесный мир, где увидели пятьсот необычайно прекрасных танцующих нимф с нежными розовыми ножками:

– Видишь ли ты этих пятьсот нимф, Нанда?

– Да, Владыка, конечно, вижу!

– Так скажи, Нанда, кто прекраснее, кто привлекательнее: твоя девушка из рода шакьев или эти пятьсот нимф?

У Нанды не было сомнений. По сравнению с этими нимфами его красавица из рода шакьев была обезьяной, у которой отрезали уши и нос.

– Так наслаждайся жизнь отшельника, Нанда, и я обещаю тебе, что пятьсот нимф, подобных этим, станут твоими!

– Если Будда обещает мне пятьсот таких нимф, я, несомненно, с радостью приму жизнь отшельника.

Нанда с новым рвением и энтузиазмом устремился к духовной жизни и не скрывал источника своего вдохновения. Прошло не так много времени, и среди других учеников распространилась весть, что Нанда ведет духовную жизнь ради нимф. Прежние его друзья стали презирать его и не хотели иметь с ним ничего общего. Он был потрясен, а их презрительные реплики устыдили и отрезвили его. Он отправился в одиночестве в лес и с еще большим усердием занялся медитацией, следуя цели духовной жизни с

непревзойденной настойчивостью и энергией. Его искренние усилия принесли плоды, и еще до рассвета он обрел просветление и полностью разделил мудрость и сострадание Будд.

Вернувшись из леса на следующий день, Нанда отправился к Будде:

– Владыка, насчет тех пятисот нимф, что ты обещал мне. Я избавляю тебя от твоего обещания.

Будда улыбнулся:

– Я знаю это, Нанда, – ответил он. – В тот момент, когда ты освободился от всех страстных желаний, и я освободился от своего обещания.

Те, кто не вел духовной жизни и не обрел богатства (накоплений) в юности, гибнут, подобно дряхлым цаплям в пруду, где нет рыбы.

Те, кто не вел духовной жизни и не обрел богатства (накоплений) в юности, лежат, подобно сломанным лукам, оплакивающим прежние дни.

«Дхаммапада», строфы 155-156.

Глава 8. Рахула

Когда царевич Сиддхартха отправился на свои поиски, сын, которого он оставил, был еще младенцем. К тому времени, когда Будда вернулся в Капилавасту, царевичу Рахуле исполнилось семь лет. Готама и его обширная семья вскоре снова сблизилась, хотя и совсем по-другому, чем прежде, и вскоре Будда стал регулярно посещать дворец. Во время одного из этих посещений Яшодхара, его бывшая жена, отправила мальчика к Будде, сказав ему, чтобы он спросил у отца о своем наследстве: она надеялась, что, возможно, он формально передаст все свои права сыну. Маленький царевич ходил следом за Буддой и говорил: «Отдай мне мое наследство, монах. Отдай мне мое наследство, монах». Будда, однако, предпочел понять эту просьбу совсем не так, как хотелось Яшодхаре. Он уже объяснил царю Шуддходане, что теперь считает себя принадлежащим не к земному царскому роду, а к благородному роду Будд. Если у него и было наследство, которое он мог передать, то это его мудрость и сострадание, которые по праву принадлежат от рождения каждому человеческому существу, готовому совершить усилия, чтобы их достичь. Поэтому, поскольку мальчик все ходил и ходил за ним, настойчиво повторяя просьбу, Будда приказал Сарипутте, одному из своих главных учеников, посвятить его в монахи. Так Рахула стал мальчиком-монахом и был доверен заботе и наставничеству Сарипутты.

Когда старый царь услышал об этом, он был очень расстроен. Для него это означало, что он потерял не только своего сына, но и внука, которые были наследниками его титула и богатств. Видя его горе, Будда согласился, чтобы в будущем ни одного мальчика не посвящали в монахи без согласия родителей, но Рахула остался монахом, и когда Будде и его последователям пришлось время покинуть Капилавасту, он ушел вместе с ними. Готама принял близкое личное участие в продвижении Рахулы и часто проводил с ним время,

передавая учение юному монаху.

Через четыре года после того, как они покинули Капилавасту, Будда сел вместе с одиннадцатилетним Рахулой, чтобы передать ему учение о нравственности. Он взял ковш и налил в него немного воды.

– Рахула, ты видишь это небольшое количество воды в ковше?

– Да, Владыка.

– Что ж, если люди не уделяют должного внимания тому, чтобы сознательно не произносить лжи, в них столь же мало добра.

Затем Будда выплеснул воду и спросил Рахулу, видел ли тот, что он сделал.

– Да, Владыка.

– Рахула, если люди не уделяют должного внимания тому, чтобы сознательно не произносить лжи, они выплескивают, подобно этому, хорошее в себе.

Перевернув ковш вверх дном, Будда сказал:

– Рахула, если люди не уделяют должного внимания тому, чтобы сознательно не произносить лжи, они относятся к хорошему в себе подобно этому.

Снова перевернув ковш, Будда спросил:

– Рахула, видишь ли ты, что ковш теперь пуст?

– Да, Владыка.

– Если люди не уделяют должного внимания тому, чтобы сознательно не произносить лжи, они пусты от добра, подобно этому ковшу. Представь огромного царского военного слона. Если в битве слон пользуется головой, бивнями, ногами и телом, но отводит хобот, это значит, что этот царский слон еще не полностью обучен. Только когда он

пользуется и хоботом, он полностью обучен. Подобно этому, если человек не уделяет должного внимания тому, чтобы сознательно не произносить лжи, я не считаю его полностью подготовленным. Ты должен упражняться в том, Рахула, чтобы никогда не лгать, даже в качестве шутки. Для чего нужно зеркало, Рахула?

– Для того, чтобы смотреть на себя, Владыка.

– Ты должен всегда смотреть на себя, Рахула, исследуя все поступки, которые ты совершаешь телом, речью и умом.

Вот так Будда обучал Рахулу, пока тот был мальчиком, пока становился юношей и молодым человеком. Когда ему было двадцать один год, Рахула достиг Просветления.

Человек может одержать победу над тысячами и тысячами людей, но тот, кто побеждает себя, – воистину величайший воин.

Воистину, лучше победить себя, чем побеждать других людей.

«Дхаммапада», строфы 103-104.

Глава 9. Царевичи и брадобрей

Когда Будда впервые прибыл в землю шакьев, они относились к нему с большим подозрением и либо встречали его довольно натянуто и официально, либо вообще избегали встреч с ним. Однако прошло совсем немного времени, и люди были покорены его добротой и простыми, но глубокими и полными мудрости словами, которые он произносил. Вскоре они уже собирались толпами, чтобы послушать его учение и насладиться ощущением покоя, которое возникало, когда человек просто находился в его присутствии. Многие стали его учениками. Не только члены бывшей семьи самого Готамы, но и молодые люди из почти всех благородных семей шакьев отказались от своего привилегированного образа жизни, чтобы стать бездомными странниками и последовать за Буддой. Когда Будда решил, что настало время покинуть Капилавасту и двинуться в путь, за ним последовали многие из этих знатных юношей, теперь одетые в простые монашеские робы, с посохами и чашами для подаяния. Город показался странно пустым, когда они ушли, и жизнь народа шакьев навсегда изменилась.

Вскоре после ухода Будды царевич из рода шакьев по имени Маханама сидел в саду, окружавшем его дворец. Он размышлял о том, что еще никто из его семьи не выбрал жизнь странника и не стал учеником Будды, в то время как почти во всех остальных знатных семьях по крайней мере один молодой человек стал монахом. Маханама внезапно почувствовал, что это неправильно и нужно что-то с этим сделать. Он отправился на поиски своего младшего брата Ануруддхи и, найдя его, взял его за руку и отвел в тихий уголок сада, сказав ему, что ему нужно поговорить с ним о чем-то очень важном. Маханама поведал Ануруддхе свои мысли. У Маханама была жена и дети, и он должен был заботиться о своей овдовевшей матери, но Ануруддха был еще холост и не отягощен ответственностью. Маханама предложил Ануруддхе, чтобы тот серьезно подумал о том,

чтобы уйти и присоединиться к Будде.

Ануруддха был изнеженным юношей, который до тех пор наслаждался очень приятной и беззаботной жизнью, и поначалу ему совсем не понравилась идея брата. Однако Маханама продолжал убеждать его и настаивать, подчеркивая бесконечные обязанности и труды, которые отягощают жизнь домохозяина, и постепенно убедил Ануруддху. На самом деле, Ануруддха обрел уверенность, что, только отказавшись от своей теперешней жизни и последовав за Буддой, он сможет обрести подлинное счастье.

Поэтому Ануруддха отправился к матери, чтобы попросить у нее разрешения уйти и присоединиться к Будде. Поначалу она и слышать не хотела об этом, и теперь настала очередь Ануруддхи уговаривать и убеждать. В конце концов, его мать сказала: «Хорошо, мой дорогой Ануруддха, хорошо. Иди своим путем, но при одном условии. Если твой друг Бхаддья уйдет, и ты можешь идти». Бхаддья, лучший друг Ануруддхи, был царевичем и одним из избранных вождей шакьев. Мать Ануруддхи понимала, насколько маловероятно, чтобы Бхаддья хоть на минуту задумался об обращении к духовной жизни, и была уверена, что на этом все и закончится.

Однако у Ануруддхи были другие идеи на этот счет. Он отправился напрямик на поиски своего друга. Как только они встретились, Ануруддха схватил Бхаддью за руки и объявил:

– Мой уход зависит от тебя!

Бхаддья был захвачен врасплох настойчивостью Ануруддхи и силой чувств, которые за ней скрывались. Не подумав, он сразу же ответил:

– Я не помешаю твоему уходу. Ты и я...

Затем, осознав, что он сказал, он вдруг прервался и попытался исправиться:

– Да, конечно, ты можешь идти, когда пожелаешь.

– Давай уйдем вместе.

– Я не могу уйти. Ты знаешь это. Шакьи выбрали меня одним из своих вождей. Я сделаю для тебя все, что угодно, мой друг, но я не могу сделать этого. А ты иди.

– Моя мать сказала, что я могу идти, только если уйдешь ты. Ты ясно сказал, что не помешаешь моему уходу, поэтому давай пойдем вместе и присоединимся к Будде.

Шакьи были известны своей верностью обещаниям, и Бхаддья не был исключением. Он сказал, что не помешает уходу своего друга, и теперь он чувствовал себя обязанным сдержать слово. Он оказался в очень неприятном положении и предложил компромисс.

– Хорошо, – сказал он. – Подожди семь лет, и мы отправимся вместе.

– Это слишком долгий срок.

– Тогда шесть лет.

Это было все еще слишком долго для Ануруддхи. Бхаддья пытался сойтись на пяти годах, четырех годах, трех годах, двух годах, где, но каждый раз Ануруддха возражал, говоря, что не может ждать так долго.

– Тогда семь месяцев... месяц... две недели...

И это было долго для Ануруддхи.

– Тогда семь дней. Подожди семь дней, чтобы я передал мои обязанности по отношению к моим детям и братьям, и мы отправимся вместе.

Ануруддха согласился подождать семь дней.

Когда прошли семь дней, Бхаддья и Ануруддха вместе с четырьмя другими царевичами, которым они тайно поверили свое намерение уйти, отправились из Капилавасту во главе войска. Остальных четверых, решивших присоединиться к

ним и тоже уйти, звали Ананда, Бхагу, Кимбила и Девадатта. Увидеть, как царевичи выводят армию на учения, было обычным делом для шакьев. Это значило, жизнь идет своим чередом. Однако когда они уже далеко отъехали от города, царевичи потребовали остановиться. Одни приказали солдатам развернуться и идти обратно в Капилавасту. Взяв с собой лишь своего слугу, брадобрея Упали, они продолжали путешествие, пока не пришли к реке, обозначавшей границу территории шакьев.

Затем царевичи сняли с себя все царские знаки отличий и завернули их в плащ. Они отдали плащ Упали и приказали ему вернуться вместе с ним в Капилавасту и рассказать шакьям, что они решили уйти и отправиться к Будде. Затем, простившись с ним, они пересекли реку и отправились в соседнее царство. Упали был очень удивлен таким поворотом событий, но со своей обычной покорностью взвалил ношу на плечи и, как приказали ему царевичи, отправился в направлении Капилавасту. По дороге он стал размышлять об этом неожиданном событии.

«Шакьи – жестокий народ, – подумал он. – Когда они узнают, что случилось, они запросто могут казнить меня за то, что я помог царевичам уйти. Будет намного лучше, если я присоединюсь к ним и тоже уйду».

Подумав так, он повесил знаки отличий на дерево, повернулся и поспешил вслед за ними. Он догнал их, и они приветствовали такое желание, тепло улыбнувшись ему.

Вместе они отправились на поиски Будды. Везде, где он побывал, люди только и говорили, что о нем, и напасть на его след было несложно. Наконец оказавшись перед ним, шесть царевичей и брадобрей попросили разрешения вступить в его монашеский орден и быть принятыми в качестве его учеников. Когда Будда согласился, они попросили его еще об одном: чтобы Упали посвятили первым. Он был их слугой, но, если его посвятят в монахи первым, им придется

выказать ему подобающее почтение, и их воинственная гордость шакьев будет усмирена. Будда улыбнулся. Он очень хорошо понял, что означает их просьба, и поэтому посвятил Упали в монахи первым, а за ним и шестерых царевичей.

Не ввергайте себя в невнимательность, не приближайтесь к чувственным удовольствиям. Внимательный человек, погруженный в сверхсознательные состояния, обретает все изобилие блаженства.

Как живущий в горах смотрит вниз на тех, кто живет в долине, так и духовно зрелый человек, герой, свободный от печали, изгнавший невнимательность с помощью внимательности, восходит к Дворцу Мудрости и смотрит сверху вниз на полное страданий, духовно незрелое большинство (внизу).

Внимательный среди невнимательных, бодрствующий среди спящих, человек, обретший понимание, несется вперед, как быстрый скакун, обгоняющий жалкую клячу.

«Дхаммапада», строфы 27-29.

Глава 10. Анатхапиндика

Прошло более двух с половиной лет с тех пор, как Будда достиг Просветления. У него уже было множество учеников, а слава продолжала распространяться. Он проводил время муссонов, когда дожди, грязь и наводнения затрудняли передвижение, в Бамбуковой роще около города Раджагаха. На богатого торговца из этого города произвело большое впечатление спокойное и внимательное поведение последователей Будды, и он почувствовал желание помочь ему. Он попросил у Будды разрешения построить для них укрытие, чтобы им не приходилось жить под открытым небом, страдая от непогоды. Будда согласился, хижины были построены, и Будду и его монахов пригласили на церемониальный пир, во время которого хижины должны были быть официально подарены им.

У жены торговца был брат, известный как Анатхапиндика, «кормилец бедных», богатый и щедрый банкир из города Саваттхи. Он приехал в Раджагаху по делам за день до того, как должна была проводиться церемония. Он застал своего зятя поглощенным подготовкой к пиру: зять отдавал приказы своим слугам, заставляя их бегать туда-сюда. Размах и щедрость приготовлений были таковы, что Анатхапиндика заключил, что намечается свадьба, или великое религиозное подношение, или визит царя и его свиты. Обычно торговец бросал все, чтобы поприветствовать своего шурина, но на этот раз он, казалось, был полностью погружен в свои заботы. Наконец все приказы были отданы и все приготовления сделаны. Торговец вышел и приветствовал Анатхапиндику, которому было очень любопытно узнать, что намечается.

«О нет, не будет ни свадьбы, ни царского визита, – объяснил торговец, – но завтра Будда и его последователи будут моими гостями».

Анатхапиндику охватило благоговение. «Ты сказал, Будда? –

спрашивал он снова и снова. – Ты сказал, Будда?»

Казалось, само слово откликнулось во всем его существе. Он пришел в большое волнение и захотел немедленно увидеть Будду, но зять убедил его, что время было неподходящее, поскольку уже темнело. Торговец обещал Анатхапиндике, что он обязательно увидит Будду, как только проснется завтра утром. Анатхапиндика неохотно согласился, что ему придется подождать. Он отправился в свою комнату и лег спать, но его ум блуждал.

«Рано утром я увижу Будду, Просветленного», – продолжал повторять Анатхапиндика. Он лег, но не мог заснуть и три раза вставал, думая, что уже светает. На третий раз он встал с постели, оделся и отправился посмотреть на Будду, убежденный, что скоро рассвет, хотя была еще середина ночи.

Городские ворота были закрыты, а стража спала, но это не остановило Анатхапиндику. Ворота таинственным образом открылись перед ним магическими силами якши, который хотел помочь ему в его поисках. Анатхапиндика отправился в Бамбуковую рощу, где остановился Будда, но как только он покинул безопасный город, темнота, казалось, окружила его, и его охватили страх и ужас. На какое-то мгновение он застыл на месте от ужаса, а в следующее – был готов бежать назад к городу. К счастью, якша сопровождал Анатхапиндику и побудил его идти дальше, прозвучав в его ушах спокойным и твердым невидимым голосом. Анатхапиндика колебался. Затем, осмелев, он преодолел ощущение паники и ужаса и продолжил путь.

Будда уже встал и гулял по Бамбуковой роще. Когда он увидел, что к нему приближается Анатхапиндика, он приветствовал его по имени и пригласил его сесть рядом с ним. Анатхапиндика простерся перед Буддой и сел подле него. Пока он сидел с Буддой в эти ранние утренние часы, ощущая безмерность его присутствия, слыша его слова,

чувствуя его безграничную доброту и сострадание, новое видение существования и новая вселенная понимания открылись для Анатхапиндики. Он обратился к прибежищу в Будде и принял его в качестве учителя.

На следующий день Анатхапиндика присутствовал на пире, приготовленном для Будды и его монахов, и пригласил его остановиться в Саваттхи, пока не закончится сезон дождей. Он заявил, что лично будет смотреть за тем, чтобы все их нужды удовлетворялись.

Когда дела Анатхапиндики в Раджагахе были закончены, он вернулся в Саваттхи и по дороге рассказывал всем о Будде и убеждал их приветствовать его, когда он пойдет по этой дороге. Вернувшись в Саваттхи, он стал искать для Будды и его учеников подходящее место, где они могли бы остановиться. Наконец, он нашел прекрасный парк, идеальный во всем, которым владел князь по имени Джета. Он отправился к царевичу и попросил его продать ему парк. «Я не продам этот парк, если только его не покроют ста тысячами кусков золота», – заявил князь Джета, и на мгновение не представив, что кто-то может принять такое возмутительное требование всерьез. «Я покупаю этот парк», – немедленно ответил Анатхапиндика. «О нет, нет!» – стал отказываться от своих слов князь Джета, потрясенный таким оборотом. Однако Анатхапиндика продолжал настаивать, и дело перенесли в суд. Цена была установлена и принята, князь связал себя словом, поэтому старейшины Саваттхи провозгласили, что парк будет принадлежать Анатхапиндике, если он действительно сможет покрыть его золотыми монетами. Вozy золота были рассыпаны по парку, пока не осталось лишь небольшое пространство перед воротами. Анатхапиндика уже собирался послать повозки за новым золотом, когда князь Джета, к тому времени осознав, что происходит что-то необычное, обратился к нему: «Достаточно, домохозяин. Достаточно. Оставь это место. Пусть это будет моим подарком». С радостью готовый

поддерживать в других преданность Будде, Анатхапиндика принял дар, и князь Джета поставил там ворота.

Будда пришел в Саваттхи и в последующие годы провел много дождливых сезонов в роще Джета. Анатхапиндика остался верным и щедрым другом и учеником Будде до самой его смерти. Когда однажды его постигла нищета из-за неудачи в делах и безграничной щедрости, Анатхапиндика сожалел лишь о том, что ему нечего больше отдать. Он остался в веках как один из величайших учеников Будды среди мирян.

Не медли в том, что прекрасно (с точки зрения нравственности).

Удаляй свой ум от зла. Тот, кто не торопится совершать добро, погрязает умом во зло.

Если человек (однажды) совершил дурное, не позволяйте ему возводить это в привычку, не позволяйте прикипеть душой ко злу. Полон страданий человек, копящий зло.

Если человек (однажды) совершил благое, позвольте ему сделать это своей привычкой, позвольте прикипеть к этому душой. Полон счастья человек, копящий добро.

«Дхаммапада», строфы 116-118.

Глава 11. Ссорящиеся монахи

Даже на заре создания буддийской общины присутствия Будды было не всегда достаточно для того, чтобы ученики не ссорились и не становились жертвой гнева и неведения. Первый раскол, который мог серьезно угрожать общине, произошел примерно спустя десять лет после Просветления Будды и начался с мелкой стычки между монахами, живущими в месте под названием Косамби.

В этой общине было два давних монаха, один из которых был знатоком правил жизни в общине, а другой – знатоком учений. Однажды знаток учений отправился в уборную и оставил там сосуд с водой, которую не использовал. Знаток правил отправился вслед за ним и, найдя воду, спросил у знатока учений, он ли оставил ее там. Тот признал это.

– Ты понимаешь, не так ли, что против правил этой общины оставлять воду в уборной?

– Я этого не знал, но, если я нарушил правило, я это признаю.

– Что ж, если ты сделал это ненамеренно или по забывчивости, это не проступок.

Они расстались, и знаток учений решил, что, поскольку формально он не нарушил правила общины, вопрос на этом исчерпан.

Однако позже знаток правил рассказал своим ученикам, что знаток учений не знал, что совершил проступок. Они, в свою очередь, рассказали об этом ученикам другого монаха: «Вы понимаете, что ваш наставник нарушил правила и думает, что не делал этого?»

Ученики знатока учений передали это своему учителю, который сердито ответил: «Знаток правил сказал мне, что я не преступил правил, а теперь говорит другим, что я это сделал. Он лжец!»

Об этой вспышке гнева скоро рассказали ученикам знатока правил: «Ваш наставник – лжец!»

Когда это дошло до ушей знатока правил, он был в ярости, немедленно собрал членов общины и добился того, чтобы знатока учений временно исключили из ордена. Однако знаток учений давно был монахом, обладал значительным влиянием и имел много друзей. Он быстро добился поддержки, и вскоре община на мили вокруг оказалась втянута в этот диспут одной или другой стороной. Разрыв вскоре стал глубже и укоренился, взаимные обиды росли, и дела становились все хуже и хуже.

Когда весть об этой ссоре достигла ушей Будды, он был глубоко озабочен и сразу отправился в Косамби, чтобы встретиться с монахами. Он собрал монахов с обеих сторон и попытался поговорить с ними разумно, но всё было впустую. Они даже попросили Будду не вмешиваться и оставить им самим разрешить это дело. Столкнувшись с таким упрямством и глупостью, он увидел, что ничего не может поделать и, глубоко опечаленный, вернулся один в Саваттхи.

Конфликт разгорался, и со временем последователи-миряне из Косамби, услышав, что ссорящиеся монахи отвергли даже Будду, отказали им в поддержке. Когда монахи из Косамби отправились за подношениями, они обнаружили, что все двери перед ними закрыты. Когда их чаши для подаяния и желудки оказались пусты, это, наконец, привело их в чувство. Они условились отправиться в Саваттхи и разрешить свой спор в присутствии Будды.

Новость о прибытии ссорящихся монахов в Саваттхи была встречена тамошними учениками с большими опасениями. Они бы предпочли не иметь с ними ничего общего, но Будда дал ясные указания, что монахов из Косамби нужно принять, разместить, накормить и относиться к ним с наивысшим почтением и справедливостью. Были организованы собрания, и Будда с величайшим терпением, спокойствием и

непредвзятостью обсудил все вопросы с монахами.

Постепенно накал гнева стихал, и монахи с обеих сторон обрели способность более ясно увидеть, что произошло, как возникла ссора. Знаток учений смог отложить свою гордость, признать свою вину в этом деле, принять свое временное исключение и попросить у Будды восстановить его. Знаток правил также смог признать свою неискренность, и все закончилось дружески. Две стороны примирились, и община монахов снова обрела покой.

Те, кто занят такими мыслями, как: «Он оскорбил меня, он побил меня, он победил меня, он обокрал меня», – не успокоят своей ненависти.

Те, кто не занят такими мыслями, как: «Он оскорбил меня, он побил меня, он победил меня, он обокрал меня», – успокоят свою ненависть.

Не ненавистью умиряется ненависть здесь (в мире). Она умиряется любовью. Это вечный закон.

Другие не осознают, что все мы движемся к смерти. Те, кто осознают это, примирят свои ссоры.

«Дхаммапада», строфы 3-6.

Глава 12. Совершенное братство

Когда первая попытка Будды разрешить спор между монахами в Косамби потерпела неудачу, он оставил их и отправился ненадолго один в лес. На обратном пути в Саваттхи он посетил Восточный Бамбуковый парк, где жили и занимались практикой три его последователя, Ануруддха, Нандия и Кимбила. Это был тот же Ануруддха, который уговорил Бхаддью уйти вместе с ним и который, вместе с Кимбиллой и другими царевичами, тайно покинул Капилавасту, чтобы стать учеником Будды. Красота и простота жизни, которой наслаждались три друга, совершенно отличались от ссор и пререканий бхикку в Косамби.

Когда Будда приблизился к парку, его остановил хранитель парка, который, не зная, кто он, попросил его не беспокоить трех монахов, живущих там и стремящихся к освобождению. Ануруддха услышал, как хранитель парка разговаривает с Буддой и вышел, чтобы успокоить его. «Спасибо тебе, друг, но не беспокойся. Это Будда, наш учитель, который пришел навестить нас». Затем Ануруддха собрал своих друзей, рассказав им, что к ним пришел Будда. Они приветствовали его с великой радостью в сердце, выразили ему почтение, приготовили сиденье, приняли верхнее одеяние и чашу и принесли воды, чтобы омыть ему ноги. Они сели рядом, и Будда спросил, все ли у них благополучно и хорошо ли им живется, нет ли у них трудностей со сбором пищи. Ануруддха заверил его, что все в порядке.

– Надеюсь, все вы живете в гармонии, Ануруддха, так же дружелюбно и свободно от трудностей, как молоко и вода, смешанные вместе, и смотрите друг на друга с добротой.

– Это на самом деле так, Владыка.

– И как вам удается так жить, Ануруддха?

Ануруддха ответил:

– Я считаю, что мне очень повезло иметь таких спутников в жизни отшельника. В каждом без исключения поступке тела, речи и ума я посылаю им любящую доброту. Я думаю: «Почему бы не отложить то, что я хочу сделать, и не делать только то, чего желают они». Хотя наши тела и отдельные, Владыка, но, воистину, мы едины умом.

Другие два ученика сказали в точности то же, что и Ануруддха.

– Хорошо, хорошо, Ануруддха. И, надеюсь, вы живете осознанно и контролируете себя, практикуете искренне и с живой энергией?

– Воистину это так, Владыка.

– И как вам удастся так жить?

– Что ж, Владыка, кто бы из нас ни вернулся первым со сбора милостыни в деревне, он готовит сиденье, выставляет воду для питья и омовения и готовит корзину для мусора. Кто бы ни вернулся последним, ест столько из оставшейся пищи, сколько пожелает, и выбрасывает остальное туда, где ничто не растет, или в воду, в которой нет жизни. Он убирает сиденья и воду, убирает корзину для мусора и подметает обеденное место. Когда бы кто из нас ни заметил, что горшки для воды для питья, омовения или для уборной пусты, он наполняет их. Если они слишком тяжелы для него, он подает рукой знак помочь ему. Мы не говорим по таким поводам. Но каждую пятую ночь мы садимся вместе и обсуждаем учения. Так мы живем осознанно и контролируем себя, практикуем искренне и с живой энергией.

Будда был доволен тем, что услышал. Он продолжил расспрашивать трех друзей о том, как они продвигаются по пути к мудрости. Они рассказали ему, что, хотя во многих отношениях их практика медитации идет очень хорошо, по-видимому, есть точка, дальше которой они никак не могут продвинуться. Сосредоточившись, они встречались с

внутренним светом, который снова и снова ускользал от них. Будда указал им на то, что следует более пристально следить за собственным умом и научиться распознавать различные препятствия, которые возникают в медитации. Он очень подробно описал преграды, такие, как сомнения и отвлечение, страх и восторг, которые ему самому пришлось научиться преодолевать, прежде чем он сумел выйти за их пределы и достичь знания и видения вещей такими, какие они есть.

Когда Будда ответил на все их вопросы и дал им все возможные советы, они тепло попрощались, и он отправился в Саваттхи, оставив троих друзей продолжать их духовные усилия в Восточном Бамбуковом Парке.

Воистину, счастливы мы, живущие в дружбе посреди враждующих.

Среди людей, полных ненависти, мы живем свободно от ненависти.

Воистину, счастливы мы, здоровые среди больных.

Среди людей, полных болезней, мы живем свободно от болезни.

Воистину, счастливы мы, довольные среди жадных.

Среди людей, полных жадности, мы живем свободно от жадности.

«Дхаммапада», строфы 197-199.

Глава 13. Пахарь

Однажды Будда остановился в царстве Магадха, неподалеку от деревни под названием Эканала. Было время сева, и знатный брамин по имени Каси Бхарадваджа отправил на поля пятьсот плугов, запряженных быками, и множество работников. Будда отправился просить подаяния как раз в то время, когда владелец земли кормил своих работников. Увидев Будду, стоящего со своей чашей для подаяния, Бхарадваджа подозвал его: «Отшельник, я пашу и сею, и, отпахав и отсев, я ем. Если ты немного попашешь и посеешь, отшельник, ты тоже можешь поесть!» Он приготовился покормить отшельника, но только если тот сделает дневную работу, как и все остальные.

Будда ответил: «Я тоже пашу, брамин, и сею, и, отпахав и отсев, я ем». У брамина был веселый характер, и ему понравился этот разговор: «Я не вижу у тебя ни быков, ни ярма, ни плуга, ни хлыста, наставник Готама, но ты говоришь, что пашешь и сеешь, а потом ешь. Ты должен рассказать нам, что за плоды ты растишь!»

Тогда Будда произнес вдохновенные слова, которые прозвучали, подобно песне:

Я сею зерно веры, а поводья мои – самоконтроль,

Мудрость – мой хомут и плуг.

Сознание – моя вежа, а ум – веревка, которую я держу.

Внимательность – мой хлыст.

Защищенный каждым деянием тела и речи,

Умеренный в любой пище,

Истиной я уничтожаю все сорняки.

В покое я нахожу облегчение.

Энергия – запряженные быки,

Которые влекут меня к совершенной мудрости,

И я даже не оглядываюсь назад.

Вот пахота, которую я совершаю,

И плод ее – Бессмертие.

Кто бы ни пахал, подобно мне, освободится от всех страданий.

Каси Бхарадваджа был впечатлен и доволен этим ответом и приказал наполнить прекрасную бронзовую чашу молочным рисом и принести ее Будде. Однако Будда отказался от нее. Он объяснил, что Будда не ест ради ужина и не примет никакой платы за это провозглашение Истины.

«Так кому же мне отдать эту чашу с пищей?» – спросил брамин, рассерженный кажущимся упрямством отшельника. Будда ответил, что он не видел никого в целом мире, кроме Просветленного или одного из его учеников, кто мог бы переварить эту пищу. Пусть Бхарадваджа лучше выбросит ее на пустыре или в воду, лишенную жизни. Брамин довольно пренебрежительно выбросил молочный рис в канаву со стоячей водой. Как только рис попал в воду, она начала испускать пар, шипеть и бурно кипеть, как будто в нее бросили раскаленный добела лемех, который прокаливали в кузнице целый день. Брамина охватил ужас. Он подбежал к Будде, простерся перед ним и попросил Будду принять его в качестве ученика. На том же месте и в тот же момент, оставив все свои земли и богатства, Каси Бхарадваджа стал бездомным отшельником.

Позже, живя в одиночестве в лесу и практикуя с великим усердием и устремленностью, он обрел Просветление.

За человеком, ослепленным жадностью, который видит радость лишь в потомках и скоте, ходит смерть и уносит его, как сильное наводнение сметает спящую деревню.

Не защитят ни сыны, ни отец, ни даже другие родственники. Для него, схваченного тем, кто приносит Конец (т. е. Смертью), нет защиты, которую могли бы дать родственники.

Зная о важности этого, пусть духовно зрелый человек, сдержанный человек с благим поведением, быстро очистит Путь, ведущий к Нирване.

«Дхаммапада», строфы 287-289.

Глава 14. Прекрасная манговая роща

Будда провел тринадцатый сезон дождей после своего Просветления в Чалике, и вместе с ним жил его помощник, молодой монах по имени Мегхия. Однажды Мегхия отправился в близлежащую деревню за подаянием. Когда он медленно возвращался вдоль берега реки Кимикалы, он набрел на прекрасную манговую рощу, в воздухе которой витал тонкий аромат. Место было мирным и по-настоящему приятным. «Это, – подумал Мегхия, – совершенное место для медитации. Это совершенное место для того, чтобы достичь Просветления». Он представил себя сидящим под деревом и наслаждающимся полной блаженства медитацией.

Вернувшись к Будде в нетерпеливом и взбудораженном состоянии духа, Мегхия рассказал ему о прекрасной манговой роще, которую нашел, и попросил его разрешения отправиться туда и устремиться к Просветлению.

«Подожди, Мегхия, – ответил Будда, – я здесь один. Подожди, пока не придет другой монах». Но Мегхия твердо решил уйти в манговую рощу и ждал этого слишком нетерпеливо, чтобы обратить внимание на просьбу Будды. Он снова обратился к Будде, и тот во второй раз попросил его подождать. Непреклонный Мегхия повторил свою просьбу в третий раз, сказав: «Владыка, ты уже сделал все, что нужно сделать. Ты обрел победу. Но у меня все еще есть цель, к которой я должен стремиться в духовной жизни». При этих словах Будда, видя, что его юного ученика не переубедить, ответил: «Хорошо, Мегхия. Если ты действительно хочешь устремиться к Просветлению, тебе лучше пойти».

Мегхия отправился в прекрасную манговую рощу и сел у подножия дерева, чтобы медитировать. Он был уверен, что Просветление не заставит себя ждать, и ожидал, что без усилий поднимется в возвышенные состояния сознания. Однако на деле эти состояния ускользали от него, и Мегхия обнаружил, что охвачен мыслями, полными похоти,

ненависти и жестокости. Он снова и слова пытался освободиться от этих мыслей, но безуспешно. Отрезвленный своей неудачей, он сел и стал размышлять об иронии того, что такое должно было случиться с ним после того, как он оставил все и последовал духовному пути. Он посвятил себя жизни в простоте, нашел это прекрасное место – и лишь для того, чтобы обнаружить, что он ум полон подобным мыслям!

Присмирившись, он в тот же вечер вернулся к Будде и рассказал ему о том, что случилось. Ответ Будды юному монаху был полон доброты, но тверд: «Когда сердце еще не созрело для освобождения, Мегхия, – объяснил он, – есть пять вещей, которые ведут к зрелости. Первая – это духовный друг, благой товарищ в духовной жизни. Вторая – упражнение в совершенной нравственности и поведении. Третья – участие в подходящей беседе. Такая беседа лишена эгоизма и стремится лишь к облегчению сердца, свободе и Просветлению. Это беседа об уменьшении желаний, о довольстве, уединении, энергии, нравственности, медитации, мудрости, освобождении, а также и знании и видении подлинной природы вещей. Четвертая вещь, которая способствует созреванию освобождения сердца, – это энергия и усилия, ведущие к отказу от состояний ума, полных похоти, гнева и замешательства, и развитию ясных состояний ума, полных щедрости и любви. Нужно развивать выдержку и настойчивость в развитии таких положительных состояний ума. Пятая вещь – это развитие понимания и проникновения, которые со временем приведут к мудрости и проникновению Будд. Монах, у которого есть духовный друг, хороший товарищ в духовной жизни, будет совершенствоваться в нравственности и полезной беседе, разовьет энергию и обретет проникновение».

Выслушав слова Будды, Мегхия почувствовал смирение и устыдился собственной самонадеянности и наивности. Он понял, что Просветление не могло просто упасть ему в руки, как плод с дерева, пока он медитировал в прекрасной

манговой роще: для того, чтобы обрести его, нужно много и упорно работать. Он также почувствовал сильнейшую благодарность, когда понял, что в лице Будды у него уже есть первая из пяти необходимых вещей, духовный друг и учитель, который одновременно мудр и добр.

Хорошо видеть тех, кто духовно развит; (на самом деле) жить с ними – это всегда счастье. Не видя духовно незрелых, человек поистине будет непрестанно испытывать счастье.

Живя в окружении духовно незрелых, человек будет полон скорбей в течение долгого времени. Общение с духовно незрелыми всегда приносит страдания, подобно близости к врагу. Общение с мудрыми приятно, подобно воссоединению родных.

(Поэтому говорится:) Следуй за тем, кто мудр, обладает пониманием, учен, кто несет ярмо добродетели, религиозен и духовно развит. Следуй за одним из тех, чья природа такова, как луна следует пути звезд.

«Дхаммапада», строфы 206-208.

Глава 15. Ангулимала

Двадцать лет прошло с тех пор, как Будда обрел Просветление. Каждый год он проводил сезон дождей в роще Джета в Саваттхи. Однажды жестокий и не щадящий людских жизней разбойник появился в царстве Косала. Он без разбора нападал на всех, кто попадался ему на пути, грабил и убивал их, отрезая по пальцу у каждой из своих жертв. Эти пальцы он связал вместе и носил, как отвратительное ожерелье, поэтому стал известен под именем Ангулимала, «тот, кто носит ожерелье из пальцев». Куда бы он ни пошел, люди бежали прочь, охваченные ужасом, и покидали в запустении целые города и деревни.

Однажды, после сбора подаяний в Саваттхи, Будда вышел из города по дороге, ведущей в ту местность, где, по слухам, наводил ужас Ангулимала. По пути Будду предупреждали крестьяне, пастухи, пасшие коров и овец, и путешественники, что лучше не ходить этой дорогой. Люди собирались в группы в десять, двадцать, тридцать и даже сорок человек и пытались прорваться, надеясь на численность, но все пали под рукой жестокого и ужасного Ангулимала и исчезли. Будда выслушал эти предупреждения, но не уделил им внимания и продолжил свой путь в молчании.

Ангулимала нашел удачное место, с которого он мог наблюдать за дорогой в Саваттхи, но за долгие часы он увидел лишь бродячую собаку и несколько диких животных. Дорога была совершенно пустынна. Затем в отдалении он различил одинокую фигуру, медленно идущую в его направлении. Когда фигура приблизилась, Ангулимала увидел, что на ней монашеское одеяние. Он не мог поверить, что монах настолько глуп, что один путешествует по дороге, где, как известно, исчезали и группы из сорока человек. Неужели никто не предупредил его? Или он ждет, что его защитят его боги? Ангулимале было все равно. Храбрец перед ним или глупец, он отнимет жизнь у этого монаха.

Схватив меч и щит, лук и стрелы, он спустился по склону и направился к нему.

Когда Ангулимала приблизился к монаху, он выскочил из леса и побежал за ним, собираясь нагнать его. Но случилось нечто необычайное. Как бы быстро он ни бежал, он не мог догнать Будду, который продолжал спокойно и размеренно идти по дороге. Ангулимала был в полном недоумении. «Обычно я могу догнать несущегося слона или лошадь, повозку или оленя, но этот монах продолжает идти обычным шагом, и я не могу поймать его!» Он попытался бежать быстрее, но расстояние между ним и его добычей не сокращалось.

Наконец он остановился и закричал вслед Будде: «Остановись, монах, остановись!» Будда ответил: «Я уже остановился, Ангулимала. Теперь тебе тоже нужно остановиться!» – и продолжил идти. Это привело Ангулималу в еще большее недоумение. По внешнему виду этого человека он догадался, что перед ним – последователь Будды, а об его учениках говорили, что они никогда не лгут. Однако этот монах сказал, что остановился, в то время как все еще идет, и приказал остановиться Ангулимале, хотя тот и так уже стоит на месте. Он потребовал, чтобы монах объяснил свои слова.

«Ангулимала, я остановился и перестал относиться с жестокостью к живым существам, а ты совсем не можешь от этого удержаться. Вот почему я остановился, а ты – нет». Эти слова потрясли Ангулималу. Он понял, что в этом бесстрашном монахе он, наконец, нашел учителя, которого может уважать. Пришло время ему отказаться от дурного пути. Он отбросил свое оружие и припал к ногам Будды, умоляя его принять его в качестве ученика. С выбритой головой и в потрепанном одеянии лесного монаха Ангулимала вернулся с Буддой в Саваттхи.

Тем временем в городе у ворот дворца собралась

нетерпеливая и шумная толпа, требующая, чтобы царь Пасенади сделал что-нибудь по поводу разбойника и убийцы, который держит в страхе окрестности. Поэтому царь отправился за пределы города с пятьюстами конными воинами. Неподалеку от рожи Джета он спешился и подошел, чтобы приветствовать Будду, учеником которого был уже долгое время.

«Что беспокоит тебя, государь? – спросил Будда. – В твоё царство вторглись враги?» Пасенади рассказал ему об ужасном грабителе и убийце, который опустошает страну и которого он никак не может схватить. «А если бы Ангулимала отверг свою жизнь, полную убийств и преступлений, побрил голову, надел монашескую робу и стал моим учеником? Что бы ты сделал тогда?» – спросил Будда. «Я бы выказал ему почтение, подобающее монаху, и спросил, в чем он нуждается. Но, Владыка, Ангулимала слишком погряз во зле, чтобы измениться».

Указав рукой на монаха, сидящего рядом с ним, Будда сказал: «Государь, вот Ангулимала». Пасенади был потрясен и охвачен ужасом. Волосы встали дыбом у него на голове, и он затрясся от страха. Будда успокоил его. «Не бойся, государь, не бойся. Больше нечего бояться». Ужас царя постепенно прошел, и он обрел самообладание. Он подошел к Ангулимале, выказал ему формальные знаки почтения и спросил у него, в чем он нуждается.

Вернувшись к Будде, он выразил удивление и благодарность Будде за то, что он смог мирными средствами укротить Ангулималу, когда вся власть и войска, которые были в его собственном распоряжении, оказались бессильны. Царь Пасенади вернулся в свой дворец гораздо более счастливым человеком, а его люди отправились по домам и снова почувствовали себя в безопасности.

Теперь Ангулимала вел жизнь монаха и каждое утро отправлялся за подаянием в Саваттхи. Во время одного сбора

подавания он набрел на дом, где мучилась очень болезненными и трудными родами молодая женщина. В нем возникло сострадание, и он принял близко к сердцу страдания матери и ее ребенка. Вернувшись, он заговорил об этом с Буддой. «Возвращайся в город», – ответил ему Будда, – и скажи женщине: «Сестра, с самого моего рождения я намеренно не отнял жизни ни у одного существа. Силой этой истины да обретешь ты и твой ребенок покой».

«Владыка, это было бы ложью, ведь я сознательно отнял жизни у многих существ».

«Тогда, Ангулимала, отправляйся в Саваттхи и скажи женщине: “С тех пор, как я обрел благородное рождение, я намеренно не отнял жизни ни у одного существа. Силой этой истины да обретешь ты и твой ребенок покой”».

Ангулимала сделал так, и женщина и ее ребенок обрели покой.

Будда внимательно следил за продвижением в духовной жизни своего нового ученика, и, когда счел его готовым, отправил Ангулималу в лес медитировать в одиночестве. Практикуя с великой устремленностью и усердием, Ангулимала вскоре обрел полное Просветление.

Однажды, прося милостыню в Саваттхи, Ангулимала был признан людьми, которые имели причины ненавидеть его за его прежние деяния. Они гневно бросали в него палки, камни, комья земли и черепки, называя его убийцей. Он вернулся к Будде весь в крови, с глубокой раной на голове. Чаша его была разбита, одежда изорвана. Будда видел, как он приближается, и вышел ему навстречу со словами: «Неси это, благородный, носи это. Здесь и сейчас ты ощущаешь созревание кармы, из-за которой ты в противном случае испытывал бы страдания в будущих жизнях, пребывая в адских уделах тысячи лет».

В затворничестве, наслаждаясь блаженством освобождения,

Ангулimalа произнес молитву о том, чтобы его враги тоже встретились с учением Будды и познали покой и счастье, которыми теперь обладал он.

Бойтесь недооценить зло, (думая): «Оно не приблизится ко мне». Горшок для воды заполняется, если в него постоянно падают капли воды. (Подобно этому), духовно незрелый человек мало-помалу наполняет себя злом.

Бойтесь недооценить добро, (думая): «Оно не приблизится ко мне». Горшок для воды заполняется, если в него постоянно падают капли воды. (Подобно этому), мудрый человек мало-помалу наполняет себя добром.

Как торговец, (путешествующий) с малым караваном и большими богатствами, избегает опасной дороги, или как жаждущий жизни бережется яда, нужно устраняться от зла.

Если на руке человека нет раны, он может (без опаски) держать яд. Здоровая рука не подвластна яду. (Подобно этому), зло не обрушивается на того, кто не делает дурного.

«Дхаммапада», строфы 121-124.

Глава 16. Юношеский вызов

Однажды, когда Будда обходил царство Косала в сопровождении большого числа монахов, они набрали на деревню браминов под названием Опасада. Согласно своему обычаю, они остановились около деревни, в приятной роще саловых деревьев. Опасада была процветающей деревней, управляемой брамином по имени Чанки, которого наделил этой властью от своего лица царь Пасенади. Как только распространилась весть о том, что в деревню прибыл Будда и остановился в роще саловых деревьев, брамины-домохозяева высыпали на улицы деревни и встали вдоль дороги, чтобы его увидеть. Посещение известного святого не стоило пропускать.

Чанки отдыхал на крыше своего дворца от полуденной жары. Он увидел, как толпа бежит за пределы деревни, и ему захотелось узнать, что происходит. Его слуга рассказал ему, что Готама Будда расположился в саловой роще, и тогда Чанки решил, что тоже навестит знаменитого мудреца. Он послал слугу сказать другим домохозяевам, чтобы они подождали, и он смог пойти вместе с ними.

В то самое время несколько важных браминов из близлежащих районов были в Опасаде по делам, и когда они услышали о намерении Чанки посетить Будду, им это совсем не понравилось. Они отправились к нему во дворец и попытались разубедить его. «Пожалуйста, не ходи к страннику Готаме, – умоляли они, – не подобает благородному Чанки посещать Готаму. Скорее Готаме нужно прийти и выказать почтение Чанки». Их заботило то, что брамин с таким положением и происхождением, как Чанки, не должен ставить себя в подчиненное положение перед странствующим отшельником наподобие Будды.

Во времена Будды в Индии существовало две отдельных религиозных традиции. Одна была традицией Вед, знания и ритуалы которых передавались из поколения в поколение

кастой священников-браминов, которые ревниво охраняли их как свою прерогативу. Другой традицией была яркая и разнообразная традиция шраманов, странствующих святых, которых заботила не почтенная ведическая традиция, а непосредственный духовный опыт, который они пытались обрести множеством различных способов. Две традиции сосуществовали и до некоторой степени пересекались, но временами возникало соперничество. Брамины-гости беспокоились, что если Чанки посетит шраману Готаму, другим может показаться, что Чанки признает, что шрамана может быть мудрее и святее брамина.

Однако Чанки не тревожили подобные опасения, и он сопротивлялся их давлению. Он настаивал на том, чтобы пойти и увидеть Будду, и, более того, чтобы брамины, которые пришли к нему с этой просьбой, сопровождали его. Поскольку они не могли спорить с человеком, занимающим положение, подобное Чанки, у них не было выбора, кроме как последовать за ним.

Таким образом, вместе с большим числом браминов, Чанки отправился в саловую рощу. Они обменялись уважительными приветствиями, люди расселись, и Будда стал обсуждать различные вопросы с несколькими учеными и уважаемыми браминами. Среди браминов, сопровождающих Чанки, был один исключительный юноша по имени Капатхика. Хотя ему было только шестнадцать, он уже закончил браминское обучение и был признанным знатоком Вед. Он присоединился к разговору, и это привело к тому, что Будда укорил его за то, что он говорит без очереди, не давая высказаться старшим. Тогда Чанки заступился за юношу, отметив, что он уже признанный знаток Вед и, следовательно, несмотря на свой возраст, вполне может присоединиться к беседе. Будда, поняв, что это действительно должен быть исключительный юноша, позволил ему продолжить участие в беседе.

Капатхика, уверенность которого возросла, теперь стремился

внести свой вклад в разговор, привлек внимание Будды и задал ему вопрос: «Учитель Готама, согласно традиции браминов, всю истину можно обнаружить в Ведах и нигде еще. Что вы можете сказать на это?» Теперь традиции браминов и шраманов оказались в прямом, хотя и вежливом, противостоянии. Будда сразу же прямо ответил: «Есть ли среди вас, браминов, кто-нибудь, кто может сказать, что знает ее, видел эту истину сам и знает, что это, несомненно, так? Есть ли среди вас учителя, которые могут сказать это, были ли они среди их учителей на протяжении многих поколений или даже среди древних мудрецов? Разве даже древние мудрецы не ссылались всегда на своего учителя, бывшего до них? Разве вы, брамины, не цепочка слепых, держащих друг друга за подол, среди которых ни те, кто были до, ни те, кто идут после, не могут видеть ничего сами? Ваша вера в вашу традицию, как оказывается, мало на чем основывается».

Слыша это, те брамины, которые пытались убедить Чанки не ходить к Будде, затаили дыхание. Их худшие страхи воплощались в действительность: шрамана выставлял их глупцами. «Если бы только этот мальчишка промолчал!» – бормотали они друг другу. Но было уже поздно, а Капатхика не собирался так легко согласиться на поражение. «Досточтимый Готама, мы, брамины, не просто полагаемся на свою веру в традицию. Мы также внимательно слушаем, что в ней говорится».

Со своей стороны, Будда не собирался спускать Капатхику с крючка. «Сначала ты упомянул о вере в традицию, теперь ты говоришь о слушании того, что она говорит. Мы можем говорить о пяти вещах: вере, предпочтениях, слушании того, что говорят, рациональном обдумывании, размышлении об этом и приверженности мнению, и можно сказать, что все это – основания утверждать, что нечто является истиной. Но давай посмотрим более внимательно. Человек может верить в то, что нечто является истинным, но это все же может быть ложным. То же относится и к любому из этих оснований:

предпочтениям, слушанию того, что сказано, рациональному обдумыванию, размышлению и приверженности мнению. Каждое из них может стать основой для временного признания чего-либо в качестве истины, но нужно ясно понимать, что это не то же самое, что пробуждение истины. Это не то же самое, что действительно знать, что что-то истинно, в глубине своего собственного существа».

«И как же тогда, досточтимый Готама, случается это пробуждение истины, о котором ты говоришь?» – спросил Капатхика. В ответ Будда ясно изложил юноше всю последовательность духовной жизни. Он сказал ему: «Предположим, странствующий святой приходит в твой город или деревню. Прежде всего, нужно хорошо присмотреться к нему. Нужно спросить себя, соответствует его поведение тому поведению, которого можно ожидать от человека, свободного от жадности, ненависти и неведения. Нужно узнать, чему он учит, и спросить себя, действительно ли это учение человека, свободного от жадности, ненависти и неведения. Нужно задаться вопросом, действительно ли следование подобным учениям может привести к освобождению или же еще к большему порабощению. Если ты удовлетворен тем, что выяснил, вера в этого святого начинает расцветать в тебе, и можно подойти ближе и внимательно слушать его учения.

Запомни учения, проверь их значение в свете разума и удостоверься, что понимаешь их. Это, в свою очередь, пробудит в тебе желание осознать их более полно и глубоко. Подталкиваемый этим желанием, ты будешь по-настоящему прикладывать усилия для того, чтобы воплотить эти учения на практике. Затем, спустя какое-то время, тебе придется остановиться и оценить свое продвижение. По-прежнему ли ты убежден, что учитель свободен от жадности, ненависти и неведения, что эти учения действительно ведут тебя к освобождению? Если, взвесив все, ты обретаешь подтверждение своей вере в учителя и его учение, слушай

его дальше. Получай у него больше учений и настойчиво отдавайся их практике. В свое время снова остановись и оцени свое продвижение. Продолжая таким образом, рано или поздно достигнешь точки, в которой вера в учение и путь окажутся устойчивыми. Затем, всем сердцем отдавшись практике и сознательно прикладывая усилия, ты пробудишься к истине».

Юноше-брамину понравились ответы Будды, но он хотел знать больше. До этих пор Будда говорил только о пробуждении к истине? А что касается достижения истины? Что касается полной реализации?

«Далее будет то же самое. Весь процесс духовной жизни, как я описал его, можно проживать глубже и глубже, еще более полно и совершенно».

Капатхика был доволен и в то же время смирил свою юношескую гордость. Он осознал узость традиции браминов, в которой уже далеко продвинулся, и по-новому, с уважением, отнесся к пути шраманы. Признав в Будде учителя, мудрость которого далеко выходила за пределы всего, с чем он встречался ранее, он сразу же попросил принять его в качестве ученика-мирянина.

По сравнению с тысячей бессмысленных слов, собранных воедино (в устной традиции Вед), лучше одно осмысленное слово, услышав которое, человек обретает покой.

По сравнению с тысячей бессмысленных строк, собранных воедино (в устной традиции Вед), лучше одна осмысленная строка, услышав которую, человек обретает покой.

«Дхаммапада», строфы 100-101.

Глава 17. Маленький уродец

Будда был невероятно искусным учителем. Он мог участвовать в замысловатом споре с философами и браминами, но мог и использовать приземленные аналогии, разговаривая с крестьянами и деревенским людом. Иногда он рассказывал занятные сказки о богах и духах, которые населяли вселенную Древней Индии. Так, пребывая в роще Джета, Будда однажды рассказал эту историю некоторым из своих учеников.

Давным-давно в измерении богов на троне Сакки, царя богов, появился невероятно уродливый якша, карлик со вздутым животом. При виде его боги рассердились. Они пришли в большое возбуждение и недовольство по поводу этого возмутительного вторжения и начали оскорблять якшу, говоря ему, что они думают о его наглости. Однако к их изумлению, чем больше они сердились на якшу и ругали его, тем менее уродливым он становился. В конце концов, на троне Сакки восседало очень красивое и статное существо.

Смущенные и сбитые с толку, боги отправились на поиски Сакки и рассказали ему, что случилось. «Ага, – сказал Сакка, – да это, должно быть, якша, питающийся гневом!» Он отвел богов назад во дворец и остановился перед тронном, глядя на прекрасное существо, сидящее там. Он почтительно склонился перед якшей и назвалса, сказав, что он Сакка, царь богов. Он продолжил беседовать с ним, и чем вежливей и уважительней он был, тем уродливее становился якша, тем больше походил на карлика со вздутым животом, пока наконец совсем не пропал.

Затем Сакка провозгласил всем богам, собравшимся посмотреть на это зрелище, что он уже давно отказался от гнева. Грубым и сердитым словам нет места в его жизни, поскольку он приучил себя всегда контролировать свой гнев и таким образом тщательно оберегал и упрочивал свое продвижение по пути.

Я называю того колесничим, кто сдерживает возникший гнев, как правят отклонившейся от пути колесницей. Другие просто держат поводья.

Одержжи победу над гневом отсутствием гнева, одержжи победу над дурным с помощью благого. Одержжи победу над скупцом щедростью, над лжецом – истиной.

Дхаммада, строфы 222-223.

Глава 18. Гордец

Когда-то жил в Саваттхи брамин, которого все знали как Гордеца (Манатхаддха по-палийски), потому что он всегда был так занят собой и своей собственной важностью, что на всех остальных смотрел сверху вниз. Он даже отказывался выказывать формальные знаки уважения, традиционно подобающие матери, отцу, учителю и старшему брату, а вместо этого ждал, что все будут подчиняться ему.

Однажды Будда давал учение в Саваттхи, окруженный большой толпой людей. Гордец бродил по окрестностям и подошел к Будде. Понаблюдав за происходящим, он подумал: «Это знаменитый отшельник Готама дает учение посреди этой толпы. Я подойду и сяду около него. Если он заговорит со мной, я с радостью отвечу ему, но если он не обратится ко мне, я, несомненно, не заговорю первым!»

Гордец протиснулся через толпу и сел около Будды, но Будда не обратил на него внимания и продолжал давать учение. Гордец стал ждать, как решил, но через какое-то время устал от того, что его не замечают. «Этот отшельник Готама ничего ни о чем не знает, если не замечает такого человека, как я!» – подумал он и решил уйти.

Однако Будда хорошо знал, что происходит в уме Гордеца, и, как только брамин собрался уходить, он повернулся и посмотрел ему в глаза. Он обратился прямо к Гордецу, и голос его был тверд, но добр: «Нехорошо развивать в себе гордость, друг. Если здесь есть кто-то, кого ты пришел увидеть, лучше вырази ему почтение».

Гордец осознал, что Будда прочел его мысли, и потрясение от этих немногих слов поколебало его хрупкое тщеславие. Он пал ниц к ногам Будды, целуя и глядя их, и повторял свое имя: «Я Гордец, Учитель Готама, я Гордец».

Толпа была изумлена. Люди не могли поверить в то, что произошло у них на глазах. «Разве это не Гордец, который

никогда не выказывал никому подобающего почтения, ни матери, ни отцу, ни учителю, ни старшему брату? А теперь посмотрите на него. Посмотрите, как он совершает простирания перед Учителем Готамой, полный смирения».

Будда сказал Гордецу: «Достаточно, брамин. Этого достаточно. Поднимись с земли и сядь здесь, рядом со мной». Гордец сделал то, что ему сказали, и сел, смиренный и полностью изменившийся. Через несколько мгновений, после того, как у него было время для того, чтобы собраться с духом и немного поразмышлять над тем, что он только что пережил, Гордец обратился к Будде. В своей речи он признал, насколько глупо вел себя в прошлом, и объявил, что теперь ясно видит, как важно выказывать почтение к родителям, учителю и старшему брату, и, прежде всего, как он заявил, он понимает, как важно почитать и уважать Просветленных.

Затем он попросил Будду принять его в качестве ученика-мирянина, начиная с этого дня и до конца его жизни.

Если человек почитает достойных почитания, будь это Просветленные или их ученики, (люди), которые вышли за пределы иллюзии и преодолели горести и стенания,

Если человек почитает имеющих подобную природу, кто, (более того), пребывает в покое и не имеет причин для страха, – заслуги такого человека неисчислимы.

«Дхаммапада», строфы 195-196.

Глава 19. Больные ступни Соны

В королевстве Магадха, которым правил царь Бимбисара, жил Сона, сын аристократа. Этот молодой человек был так утончен и чувствителен, что на подошвах его ног росли волосы.

Однажды царь Бимбисара созвал собрание представителей каждой из деревень своего королевства и вызвал Сону. Ему было любопытно посмотреть на этого юношу с волосами на ступнях, чья слава добралась даже до его дворца. Когда царский приказ дошел до родителей Соны, они почувствовали не только большую гордость, но и беспокойство. Они очень подробно рассказали своему сыну, как он должен вести себя в присутствии царя. Ни в коем случае он не должен был протягивать ногу в сторону короля, поскольку это будет неуважительно. Вместо этого ему следует сидеть со скрещенными ногами, так, чтобы подошвы ног были повернуты вверх, и царь мог рассмотреть их. Соответственно, Сона отправился на собрание и тщательно выполнил все, чему учили его родители. Так Бимбисара смог увидеть этого знаменитого юношу, и его царское любопытство было удовлетворено.

Когда встреча с деревенскими представителями была закончена, царь отправил их к Будде и сказал: «Я рассказал вам, как справляться с заботами этой, мирской жизни. Теперь вы должны пойти к Будде и получить у него наставления в духовной жизни». Сона сопровождал представителей деревень на пик Коршуна, расположенный недалеко от царского города Раджагахи. Там он встретился с Буддой, и его жизнь полностью изменилась. Он был так тронут учениями Будды, что остался с ним и после того, как ушли деревенские жители, и попросил Будду принять его в монашеский орден.

Прошло немного времени, и он отправился жить в одиночестве в расположенной неподалеку местности под

названием Прохладная Роща. Там он упорно стремился продвинуться в духовной жизни. Пока он спускался с горы и поднимался на нее, получая учения Будды и пытаясь понять, как применять их, его нежные ноги покрылись волдырями и начали кровоточить. Вскоре следом за ним тянулся кровавый след, но Сона не обращал на это внимания и все упорнее стремился к пониманию.

Некоторые из монахов увидели это и обеспокоились, что один из их братьев прикладывает такие усилия, нанося себе раны. Они рассказали об этом Будде, и он отправился повидаться с Соной.

– Когда ты сейчас в одиночестве пребываешь в ретрите, Сона, не гадаешь ли ты время от времени, действительно ли вся энергия, которую ты вкладываешь в свою духовную жизнь, приводит тебя куда-нибудь? Не ловишь ли ты себя на мысли, что думаешь о том, не будет ли лучше вернуться к мирской жизни и использовать богатства своей семьи для того, чтобы принести благо миру и, по крайней мере, так обрести какие-то заслуги?

Сона был захвачен врасплох. Именно такие мысли приходили ему в голову, когда он спускался с горы и карабкался вверх.

– Ты ведь когда-то хорошо играл на лютне, Сона?

– Да, это так, Владыка.

– Скажи, когда струны твоей лютни были слабо натянуты, хорошо ли на ней было играть, хорошо ли она звучала?

– Нет, Владыка.

– А когда струны твоей лютни были натянуты слишком туго, хорошо ли было играть, и хорошо ли звучал инструмент?

– Конечно, нет, Владыка.

– А когда струны лютни хорошо настроены, натянуты ни

слабо, ни туго, хорошо ли играл инструмент и звучал инструмент?

– Да, это так, Владыка.

– То же самое и с духовной жизнью, Сона. Избыток неверно направленной энергии приводит к возбуждению и беспокойству, а недостаток энергии приводит к вялости и тупости. Ты должен стремиться к равномерности энергии и равновесию своих духовных сил. Твой опыт музыканта может помочь тебе в достижении этого.

Вновь оставшись один, Сона стал прикладывать равномерные усилия, так, как научил его Будда. Его ноги больше не были изранены до крови, и вскоре он обрел мудрость Просветленных.

*Да идет молчаливый мудрец по деревне, как пчела улетает,
собирая мед, от цветка, не причинив вреда его цветку или
аромату.*

«Дхаммапада», строфа 49.

Глава 20. Бахия в одеянии из коры

В хижине на западном побережье Индии жил святой, известный как Бахия в одеянии из коры, поскольку его грубые одежды были сделаны из волокон коры. Он много лет вел жизнь отшельника, и его уважали и почитали все, кто его знал. Местные деревенские жители удовлетворяли его потребности, и он жил в довольстве.

Однажды ему пришла в голову мысль. «Столько лет живя подобной святой жизнью, несомненно, я должен входить в число Просветленных, живущих в настоящем в этом мире». Едва эта мысль возникла в уме Бахии, как бог, который был связан с Бахией в прошлой жизни и беспокоился о его духовном благополучии, появился перед ним и сказал: «Бахия, ты, вне всякого сомнения, не Просветленный, и не находишься на пути к Просветлению, и не делаешь ничего, что привело бы тебя на этот путь».

Это жестоко потрясло Бахию, но его устремления были чисты и он был скорее озадачен, чем оскорблен или сломлен. Он сразу спросил: «Если я не Просветленный и не нахожусь на пути к Просветлению, есть ли где-нибудь кто-либо, кто находится на нем?»

«Далеко, далеко на севере, – был ответ, – в городе под названием Саваттхи, есть Просветленный, Будда, который учит пути, с помощью которого другие могут достичь этой цели».

Этот разговор пробудил Бахию от самоуспокоенности. Он немедленно отверг приятную жизнь, которую вел, и отправился в долгое путешествие на север, в поисках города Саваттхи и Просветленного, который там жил. Это было долгое путешествие, и он знал, что оно займет у него несколько недель, но Бахия так жаждал срочно попасть туда, что не останавливался нигде на отдых более чем на одну ночь.

Наконец, он прибыл в Саваттхи и нашел рощу Джета, где остановился Будда. В парке было много монахов в желтых одеяниях, и Бахия спросил у них, где он может найти Будду. Они рассказали ему, что Будда отправился собирать подаяние, и пригласили Бахию отдохнуть вместе с ними и располагаться, как ему будет удобно. Он сможет увидеть Будду, когда тот вернется, через час-другой.

Но Бахия не мог ждать. Ощущение срочности, с которым он проделал весь этот путь с побережья, все это долгое и трудное путешествие, стало только сильнее теперь, когда он был так близок к цели. Он поспешил в Саваттхи и вскоре увидел спокойную, безмятежную фигуру, в которой он мгновенно узнал Будду, переходящего от одного дома к другому за подаянием. Бахия подбежал к нему, упал к его ногам и умолял Будду дать ему учение.

«Это неподходящее время, Бахия, – ответил Будда, – я лишь наполовину собрал милостыню».

«Жизнь полна опасностей, Владыка, – ответил Бахия. – Мы не можем знать, когда закончится твоя или моя жизнь. Пожалуйста, дай мне учение сейчас!» И снова Будда ответил ему, что время неподходящее, а Бахия снова повторил свою срочную просьбу. Когда просьба прозвучала в третий раз, Будда ответил на нее прямым и кратким учением: «В видимом – только видимое. В слышимом – только слышимое. В ощущаемом – только ощущаемое. В познаваемом – только познаваемое. Так ты должен упражняться, Бахия. Когда в видимом есть только видимое, в слышимом только слышимое, в ощущаемом только ощущаемое, в познаваемом только познаваемое, тогда никакого «тебя», Бахия, нельзя найти ни вне, ни внутри этого переживания. В этом заключается прекращение страдания».

Этих немногих слов было достаточно, чтобы ускорить глубочайшие изменения, произошедшие в недрах сознания Бахии. Сразу же, на месте, в этот же самый момент, он обрел

Просветление.

Будда, дав это учение, повернулся и продолжил сбор подаяния. Только что обретшему Просветление Бахии на обратном пути встретилась корова и убила его. Возвращаясь в тот вечер из Саваттхи с несколькими монахами, Будда увидел тело, лежащее на обочине дороги, там, где его и оставили. Бахия был никому не известен в окрестностях, и никто не спешил взять на себя ответственность за мертвого отшельника. Будда сразу же узнал в теле человека, которому он давал учение не далее как этим утром. Он приказал монахам, шедшим вместе с ним, взять тело и сжечь его, а для пепла построить ступу. «Помните Бахию в одеянии из коры, — сказал он, — как одного из тех, кто при жизни присоединился к собранию Просветленных».

Хотя можно прожить сто лет в пороке и распущенности, лучше один день, прожитый нравственно, в погружении (в высшие состояния медитации).

Хотя можно прожить сто лет в невежестве и распущенности, лучше один день, прожитый с мудростью, в погружении (в высшие состояния медитации).

Лучше единственный день прожить с пробужденной и упроченной энергией, чем сто лет жить в лености и вялости.

«Дхаммапада», 110-112.

Глава 21. Спорщик

Спорщиком звали брамина, жившего в Саваттхи. Он получил это имя, потому что всегда заводил споры с людьми. Что бы кто ни сказал, он говорил противоположное. Если кто-то говорил «большое», он говорил «маленькое». Если кто-то говорил «длинное», он говорил «короткое». Если кто-то говорил «толстое», он говорил «тонкое». Не нужно говорить, что у него было немного друзей, и часто оказывалось, что ему не с кем поговорить. Однажды, узнав, что Будда остановился неподалеку от Саваттхи, Спорщик (Паччаника на пали) сказал самому себе: «Я пойду посмотреть на этого святого Готаму, и, чтобы он ни сказал, я буду утверждать противоположное. Посмотрим, как он с этим справится! Скоро мы выясним, насколько он на самом деле свят!»

Он отправился в рощу Джета, где, как он знал, часто бывал Будда, и пробыл в парке совсем недолго, когда увидел Будду, медленно и внимательно прогуливающегося туда-сюда на открытом воздухе. Спорщик подошел к Будде и начал ходить рядом с ним. «Что же, хочется послушать учение, монах», – сказал он. Будда остановился и медленно повернулся лицом к Спорщику. Он пронзил его взглядом и сказал серьезно: «Нет. Для тебя нет учения, Спорщик. Ты, с твоим извращенным сердцем, полным гнева, не способен думать ясно или участвовать в честном обсуждении. Только человек, который избавился от вражды и злонамеренности в сердце и искоренил в себе неприязнь, будет способен распознать Истину, когда услышит ее».

Это неожиданные слова совершенно застигли Спорщика врасплох, и первый раз в жизни он растерялся и не знал, что сказать. Он был поражен до глубины души, поскольку, потрясенный тем, что узнал о себе, он ясно увидел, чем занимался все эти долгие годы, постоянно затевая споры. Полный раскаяния, он решил исправиться, открыл свое сердце Будде и искренне прислушался к его учениям. В этот же день он попросил у Будды разрешения стать его

учеником-мирянником.

Не говори ни с кем грубо: те, к кому ты так обратишься, ответят тебе тем же. Приносит страдание разговор, полный гнева, (в результате которого) тебя настигает расплата.

Если ты (можешь) сохранять молчание, как разбитая металлическая тарелка, ты уже достиг Нирваны: в тебе не обнаружат гнева.

«Дхаммапада», строфы 133-134.

Глава 22. Горчичное семя

Однажды жила женщина по имени Киса, или «Тошчая», Готами. Она была родом из бедной семьи, которая очень немного могла предложить будущему мужу в качестве приданого. Однако со временем муж для нее нашелся, и она отправилась жить вместе с его семьей, но они смотрели на нее свысока из-за маленького приданого.

Родственники ее мужа обращались с ней очень жестоко и заставляли ее очень тяжело работать, относясь к ней немногим лучше, чем к бесплатной служанке. В свое время она родила сына, и ее жизнь изменилась. Ребенок снова принес в ее жизнь радость, и родственники стали относиться к ней с большим уважением. К несчастью, будучи еще совсем маленьким, ребенок заболел. Болезнь усугублялась, и Киса Готами в отчаяние наблюдала, как гаснет его жизнь. Несмотря на все ее усилия, ребенок умер. В горе она впала в истерику и отказывалась поверить в том, что ее сын мертв. Она вцепилась в его тело и не давала родственникам унести его. Крепко прижав к себе тело, она бродила по деревне, умоляя людей дать ей лекарство, чтобы излечить ее сына. Некоторые гнали ее с презрением, а некоторые отвечали недоумением или смущенным замешательством. Другие пытались вразумить ее и относились к ней с добротой и словами утешения. Они пытались заставить ее принять тот факт, что ее ребенок мертв, но она не хотела их слушать. Единственное, что ей было нужно, – лекарство, чтобы ее сын поправился. Наконец, кто-то посоветовал ей сходить к Будде. Говорят, что он обладает разнообразными таинственными силами, и, возможно, он сможет ей помочь. Снова обретя надежду, она поспешила увидеться с Буддой, и, наконец, вся в грязи и слезах, предстала перед его глазами, истерично моля его дать лекарство ее ребенку.

Будда с добротой посмотрел на Кису Готами и мертвого ребенка у нее на руках. «Да, я могу помочь тебе, – сказал он, – но, чтобы я смог сделать лекарство, ты должна принести

мне одну вещь. Мне нужно горчичное семя». Охваченная радостью, Киса Готоми была готова бежать за ним. В каждой кухне в домах Индии есть горшок с горчичными семенами, и вскоре у нее будет лекарство для ее сына. «Но есть одно условие, – продолжал Будда. – Семя должно быть из дома, в котором никто не умирал». Женщина без раздумий отправилась в дорогу, храня в сердце надежду.

Она остановилась у первого дома, к которому подошла, и попросила горчичное семя. Женщина, живущая в доме, с радостью была готова дать ей семя, но потом Киса Готоми вспомнила слова Будды. «Кто-нибудь умирал в этом доме?» – спросила она. «Только в прошлом месяце умер мой дед. Пожалуйста, не напоминай нам». Так Киса Готоми переходила от дома к дому. Везде люди были бы рады дать ей горчичное зернышко, но везде повторялось то же самое. Здесь умерла жена, там муж, брат, сестра, мать, отец, сын или дочь; в каждом доме люди видели смерть. «Живущих мало, умерших много. Не напоминай нам о нашей скорби», – снова и снова говорили ей люди.

Киса Готоми начала понимать, что смерть приходит ко всем, что она не одинока в своей утрате. Спокойная и отрезвленная, она посмотрела на ребенка у себя на руках и, наконец, смогла принять тот факт, что он на самом деле мертв. Она отнесла его тело на погребальную площадку, попрощалась с ним и вернулась к Будде.

Будда приветствовал ее и спросил, нашла ли она горчичное семя, нужное ему для приготовления лекарства. «Семя уже сделало свою работу», – ответила она и попросила Будду принять ее в качестве ученицы и посвятить в монахини. Позже, медитируя в лесу, Киса Готоми достигла совершенного покоя Просветления.

Как бурный поток сметает спящую деревню, так и смерть уносит человека, который, полный желаний, срывает только цветы (существования).

«Дхаммапада», строфа 47.

Глава 23. Чудеса

Однажды, когда Будда пребывал в Наланде, домохозяин по имени Кеваддха пришел к нему и сказал: «Владыка, Наланда – процветающий город с большим населением, и у тебя там уже есть множество учеников. Было бы хорошо, если бы ты попросил одного из своих монахов совершить чудо, чтобы еще больше людей Наланды были покорены этим, и всеобщая вера в тебя еще более возросла.

Будда ответил: «Кеваддха, я не обучаю своих монахов, отправляя их совершать чудеса лишь для того, чтобы произвести впечатление на мирян». Однако Кеваддхе действительно хотелось увидеть, как совершается чудо, и он настаивал, вознамерившись убедить Будду, чтобы тот послал монаха совершить чудо. Будда вновь отказался, а после того, как Кеваддха стал настаивать на своей просьбе в третий раз, он сказал: «Послушай, Кеваддха, есть три вида чудес, о которых я могу говорить на основании собственного опыта. Первый – это чудеса сверхъестественных сил, с помощью которых можно проявлять много тел, проходить сквозь стены, ходить по воде и даже посещать уделы богов. Второй вид – это чудесное чтение мыслей других людей. А третий вид – это чудо учения.

Если любое из первых двух чудес используется лишь для того, чтобы произвести на людей впечатление, их невозможно отличить от искусства мага, и в них, выполненных таким образом, нет ни малейшей духовной ценности. Я презираю такие дешевые чудеса и ничего не желаю иметь с ними общего.

Чудо учения случается, когда святой предлагает другим людям руководство в том, как им лучше жить. Когда Будда проявляется в мире и посредством собственного прямого знания и видения прозревает подлинную природу вещей и учит пути, следуя которому, ученик обретает то же знание и видение, – это подлинное чудо. На самом деле, Кеваддха, это

единственное настоящее чудо». Затем Будда рассказал Кеваддхе историю о монахе, который мог совершить первые два чуда, но его силы в конечном итоге не принесли ему пользы в поисках истины.

Жил однажды монах, который очень хотел разрешить один вопрос и искал на него ответ. Вопрос был таков: «Где окончательно исчезают четыре великих элемента земли, воды, огня и воздуха, так чтобы ничего не оставалось ни от одного из них?» Когда он вошел в глубокое сосредоточение, перед ним открылся путь в удел богов, и этот монах вознесся в измерение четырех великих царей. Думая, что найдет ответ там, он задал свой вопрос богам.

«Мы не знаем, – ответили боги, – но, несомненно, четыре великих царя знают. Иди и спроси у них». Однако четыре великих царя, когда он задал им вопрос, тоже не знали ответа и в свою очередь предложили, чтобы монах спросил об этом у высших богов небес Тавитимса. Он поднялся в это возвышенное измерение, но и там боги были неспособны дать ему ответ. Так монах поднимался выше и выше и побывал на многих небесах, пока со временем не добрался до небес Брахмы, небес высочайших из богов.

Там монах снова задал свой вопрос, и снова его ждало разочарование. «Мы не знаем ответа на твой вопрос, монах, – ответили боги, – но есть Брахма, великий Брахма, непревзойденное великое существо, создатель и творец, всевидящий, всемогущий, владыка всех, кто есть и кто будет, который намного выше нас. Он, вне всякого сомнения, сможет ответить на твой вопрос».

«Где можно найти великого Брахму, друзья?»

«Сейчас его нет здесь, и не нам знать, куда приходит и уходит великий Брахма. Но мы можем сказать, что он собирается вернуться, когда великий свет начинает сиять как раз перед тем, как он возвращается».

Монах подождал, и вскоре он увидел великий свет, за которым последовало прибытие Брахмы. Монах приблизился к великому богу и задал ему свой вопрос:

– Где окончательно исчезают четыре великих элемента земли, воды, огня и воздуха, так чтобы ничего не оставалось ни от одного из них?

– Я великий Брахма, непревзойденное великое существо, создатель и творец, всевидящий, всемогущий, владыка всех, кто есть и кто будет.

Сбитый с толку таким ответом, но непоколебимый в своей решимости, монах сказал:

– Друг, я спрашивал не об этом. Я хочу знать, где окончательно исчезают четыре великих элемента земли, воды, огня и воздуха, так чтобы ничего не оставалось ни от одного из них.

И снова Брахма ответил:

– Я великий Брахма, непревзойденное великое существо, создатель и творец, всевидящий, всемогущий, владыка всех, кто есть и кто будет.

– Друг, я спрашивал тебя не о том.

Монах снова терпеливо повторил свой вопрос. На этот раз Брахма взял его за руку и отвел в сторону:

– Здешние боги думают, что я знаю все, и я не могу отвечать в их присутствии. Я не знаю, где окончательно исчезают четыре великих элемента. Лучше возвращайся и спроси у Будды, и слушай очень внимательно, что он тебе скажет.

Поэтому Кеваддха спустился с небес и задал свой вопрос Будде. «Твой вопрос неправильно выражен, – ответил Будда. – Правильный вопрос таков: где земля, вода, огонь и воздух не имеют никакой опоры. А ответ таков: там, где сознание лишено признаков, безгранично и светоносно».

Кеваддха поразмышлял над этой историей и больше не докучал Будде просьбой о том, чтобы его ученики совершили чудеса. Его вера в Будду обрела подтверждение и усилилась, и Кеваддха вскоре обрел проникновение, которое сделало необратимым его путь к Просветлению.

Люди, принимающие неистинное за истинное, видящие в истинном неистинное, чей удел – ложные воззрения, не обретут истины.

Люди, познавшие истинное как истинное, а неистинное как неистинное, чей удел – верные воззрения, обретут истину.

«Дхаммапада», строфы 11-12.

Глава 24. Ананда

Время от времени Будда уходил ото всех, чтобы насладиться покоем и уединением в лесу, но по мере того, как его слава росла и количество учеников увеличивалось, все больше и больше людей стало искать встречи с ним, желая быть в его присутствии и слушать его учение.

У Будды обычно был помощник, в чьи задачи входило заботиться о его нуждах и выполнять разные поручения, но не все из этих помощников оказывались заслуживающими доверия. Одним из таких помощников был юный Мегхия, который бросил Будду, чтобы медитировать в пленившей его прекрасной манговой роще. В другой раз Будда путешествовал в Косале с монахом по имени Нагасамала, своим помощником. Они подошли к развилке дороги, и Нагасамала настаивал, чтобы они повернули в одну сторону, в то время как Будда ясно дал понять, что они должны повернуть в другую. В конце концов, Нагасамала просто положил одеяние Будды и его чашу на дорогу и отправился тем путем, каким ему хотелось. Однако не успел он уйти далеко, как его настигли грабители, избили, разбили его чашу и в клочья разорвали одеяние. Он вернулся и пошел по той же дороге, что и Будда, и, догнав его, почувствовал угрызения совести и рассказал ему о том, что с ним приключилось.

Через двадцать лет, полных таких происшествий, Будда решил, что этого достаточно. Он созвал монахов и объявил: «За эти годы у меня было много помощников, но ни один из них не выполнял свою работу должным образом. Снова и снова в дело вмешивались эгоизм и упрямство. Сейчас мне пятьдесят пять лет, и мне нужен верный и ответственный помощник». Один за другим старшие монахи предлагали свои услуги, но Будда снова и снова отказывался от них. Затем все посмотрели на Ананду, который до тех пор молчал из скромности.

«Будда, безусловно, знает, кто подойдет ему лучше всего», – сказал Ананда, ясно дав понять, что, если его попросят, он будет счастлив служить Будде. Будда сказал, что будет очень счастлив иметь такого помощника, как Ананда, и что он на самом деле лучше всего подходит для этой работы.

Однако прежде чем приступить к своим обязанностям, Ананда попросил Будду согласиться на восемь условий. Он попросил Будду не дарить ему одеяний, пищи, жилища, не включать его автоматически в приглашения на пиры. Эти четыре условия были предназначены для того, чтобы никто не мог сказать об Ананде, что он вызвался быть помощником Будды ради личной выгоды.

Он попросил, чтобы, если его пригласят куда-то, он передавал это приглашение Будде. Он попросил, чтобы, если люди придут издали увидеться с Буддой, у него была привилегия приводить их к Будде. Он попросил, чтобы, если у него возникнут любые вопросы или сомнения относительно учений Будды, он мог прояснить их в любое время. И, наконец, он попросил, чтобы все учения, переданные Буддой в его отсутствие, повторялись ему позже. Эти четыре условия были предназначены для того, чтобы упрочить его духовное продвижение в то время, пока он выполняет свои обязанности по отношению к Будде. Последнее условие, наряду с тем, что служило собственному духовному продвижению Ананды, как оказалось, принесло огромную пользу и общине в целом. Обладая феноменальной памятью, Ананда стал одним из великих держателей и хранителей учения Будды.

Будда с радостью согласился на эти условия, и Ананда стал его постоянным спутником на оставшиеся двадцать пять лет его жизни и удовлетворял нужды и желания Будды с неизменной добротой и заботой. Он приносил Будде воды для умывания и веточки для чистки зубов, устраивал ему сиденье и разминал спину, обмахивал его, чинил его одеяние и доставал лекарства, когда Будда болел. Заботясь о

повседневных потребностях Будды, он также стал связующим звеном между Буддой и его учениками, монахами и мирянами, выполнял свои обязанности с большим тактом и добротой и заслужил всеобщую любовь и уважение.

Человек не становится духовно зрелым (или: сведущим) лишь потому, что много говорит. О том говорят, что он духовно зрел, кто безмятежен, дружелюбен и бесстрашен.

«Дхаммапада», строфа 298.

Глава 25. Больной монах

Однажды Будда и Ананда посещали жилища монахов и нашли монаха, который был болен дизентерией. Он сильно ослабел и беспомощно лежал на полу, покрытый собственной мочой и экскрементами. Озабоченный тем, что увидел одного из своих учеников в таком жалком состоянии, Будда подошел к монаху и спросил, что с ним случилось.

– У меня дизентерия, Владыка.

– Но разве никто за тобой не ухаживает?

– Нет, Владыка.

– Но почему о тебе не заботятся другие монахи?

– Я бесполезен им, Владыка. Вот почему они не ухаживают за мной.

Будда обернулся к Ананде и попросил его принести теплой воды, чтобы они могли вымыть монаха. Когда Ананда вернулся с водой, они вымыли его и подняли на кровать: Будда держал его за голову, а Ананда – за ноги. Убедившись, что монаху удобно и у него есть все необходимое, они оставили его. Затем Будда собрал всех монахов, живущих по соседству:

– Монахи, знаете ли вы, что в хижине неподалеку отсюда есть больной монах?

– Знаем, Владыка.

– Что с ним?

– Он болен дизентерией.

– Кто-нибудь за ним ухаживает?

– Нет, Владыка.

– Почему другие монахи не ухаживают за ним?

– Потому что он не приносит нам никакой пользы, Владыка.

– Монахи, вы оставили все, чтобы следовать духовной жизни. У вас больше нет родителей или родственников, которые могли бы о вас позаботиться. Если вы не будете заботиться друг о друге, кто позаботится о вас? Точно так же, как вы заботились бы обо мне, вашем учителе, вы должны заботиться и об одном из ваших братьев, если он болен. Если у этого монаха есть наставник, он должен заботиться о нем, пока тот не поправится. Если у него есть учитель, этот учитель должен заботиться о нем. Или это может быть кто-то, с кем он живет, один из его учеников, кто-то, у кого тот же наставник или учитель. Если нет никого, кто, очевидно, должен был бы заботиться о больном монахе, ответственность падает на всю общину. Вы должны принять это как твердое правило, которому вы должны следовать, правило, которым нельзя пренебречь или нарушить его. Вы должны заботиться друг о друге!»

Не нужно обращать внимание на недостатки других, на то, что они сделали и чего не сделали. Вместо этого стоит поразмышлять о том, что сделал и чего не сделал ты сам.

Подобно прекрасному цветку, яркому, но не обладающему ароматом, бесполезна и сладкозвучная речь того, кто не поступает соответственно.

Подобно прекрасному цветку, яркому и душистому, полезна и сладкозвучная речь того, кто поступает соответственно.

«Дхаммапада», строфы 50-52.

Глава 26. Якша Алави

Царь Алави, одного из многочисленных маленьких царств Северной Индии, регулярно отправлялся на охоту со своей армией, чтобы держать ее в боевой готовности. Однажды зверь, за которым они охотились, ускользнул от царя, который лежал в засаде, и, согласно обычаю, теперь его долгом было загнать его. После того, как погоня завела его глубоко в джунгли, он, наконец, поймал и убил зверя. Возвращаясь домой очень поздно, измотанным, он прошел под деревом баньяна, в котором располагался дворец якши. У этого якши было разрешение от царя якшей съедать каждого, кто вступит в тень этого дерева, и он был обрадован, когда увидел такую вкусную закуску. Он схватил царя и рассказал ему о своем намерении съесть его. Царь был в ужасе при мысли о том, что станет ужином для якши и отчаянно пытался убедить это создание освободить его. Это ему удалось, но цена была дорогой. В обмен на свою собственную жизнь он пообещал обеспечивать якшу постоянной едой в виде человеческого существа и чаши с пищей.

Поначалу якше скармливали преступников царства Алави, и такой выбор казался разумным. Но через какое-то время преступников не осталось, поэтому каждой семье приказали по очереди жертвовать ребенком, чтобы отдавать его якше. Семьи начали уезжать из города, и со временем, через двенадцать лет, в городе остался только один ребенок – сын самого царя. Царь не мог нарушить своего обещания и, хотя это и доставляло ему великие страдания, приказал одеть мальчика в лучшие наряды и привести к якше.

К счастью, в дело вмешался Будда. Он путешествовал в этой части страны и услышал историю о якше. Будда отправился во дворец якши в дереве баньян и попросил разрешения увидеться с ним, но ему сказали, что якша отправился на собрание якшей в Гималаях. Будда настоял на том, чтобы подождать его и убедил привратника впустить его, не

обращая внимания на предупреждения о том, что якша, вернувшись домой и найдя его там, непременно съест его. Он сам сел на троне якши и, ожидая его, стал разговаривать с женщинами из семейства якши. Два других якши летели по воздуху, направляясь на собрание, и, обнаружив, что не могут пролететь над местом, где сидел Будда, спустились, чтобы выяснить, что происходит. Они поговорили с Буддой и выразили ему свое почтение, прежде чем продолжить путешествие в Гималаи.

Когда якша Алави услышал, что монах устроился в его дворце и восседает на его троне, он очень рассердился и отправился домой в великой спешке. Прибыв, он стал проявлять свои сверхъестественные силы, чтобы столкнуть Будду со своего трона. Когда все его усилия оказались напрасны, он попробовал другую тактику. Он попросил Будду покинуть дворец, и, к его изумлению, Будда сделал это. Чтобы проверить, насколько хорошо монах будет подчиняться его воле, якша попросил Будду вернуться, что тот и сделал. Наслаждаясь силой этих простых команд, якша повторил их три раза, но на четвертый раз Будда отказался снова войти в здание. Якша стал задавать Будде вопросы, надеясь снова обрести власть над ним, но ответы Будды удивили его своей мудростью, и постепенно его сердце открылось истине. Отказавшись от своего желания обрести власть над Буддой, якша полностью покорился ему и попросил разрешения стать его учеником. В ту же ночь знание и видение подлинной природы вещей пробудились в нем.

На следующее утро печальная процессия подошла к дворцу якши: слуги царя Алави привели юного царевича, чтобы принести его в жертву. Исправившийся якша со стыдом и смущением встретил это напоминание о своем жестоком прошлом и охотно отдал мальчика Будде, который благословил его и отдал царским посланникам, чтобы те вернули его царю. С тех пор царевич получил имя

«Хаттхака», или «тот, кто был передан».

Когда жители Алави узнали, что якша исправился и стал учеником Будды, они испытали огромное счастье и облегчение. Они построили якше особый дом в красивом месте и регулярно делали ему подношения в виде цветов, благовоний и других приятных вещей. Это место стало известно как святилище Алави и стало любимым местом отдыха Будды в его путешествиях.

Принц Хаттхака, когда вырос, стал одним из главных учеников-мирян Будды, и вскоре у него было много своих собственных учеников. Однажды, остановившись в святилище Алави, Будда стал хвалить Хаттхаку и перечислил семь превосходных и чудесных качеств, которыми обладал Хаттхака. Этими качествами были вера, добродетель, понимание, стремление не подводить своего учителя, внимательность в слушании, щедрость и мудрость. Один из присутствующих при этом монахов передал эту похвалу Хаттхаке, и прежде всего он ответил, что надеется, что только монахи были там, когда Будда хвалил его, а учеников-мирян не было. Услышав это, Будда добавил к этому перечислению еще одно качество – скромность.

В другой раз, когда Будда остановился в Алави, Хаттхака пришел к нему с пятьюстами учениками-мирянами, и все они достигли значительного духовного уровня.

«У тебя очень много последователей, Хаттхака, – отметил Будда. – Как тебе удастся привлечь так много учеников?»

«Я применяю четыре средства, которым ты научил меня, чтобы вызывать симпатию между людьми. На благо тех, кто откликается на щедрость, я практикую щедрость. На благо тех, кто откликается на добрую речь, я практикую добрую речь. На благо тех, кто откликается на добрые дела, я практикую добрые дела, а на благо тех, кто откликается на отношение к ним, как к равным, я практикую непредвзятость. Именно так я привлекаю людей и таким

образом создаю общину учеников».

Будда был доволен, услышав такой ответ. Он дал учение Хаттхаке и его ученикам, и позже, когда они ушли, снова обратился к монахам с похвалой Хаттхаке.

Кто бы ни был деятелен, памятлив, чист в поведении, рассудителен, умерен, добродетелен и внимателен, слава такого необычайно возрастает.

С помощью энергии, внимательности, умеренности и контроля, пусть человек, обладающий пониманием, воздвигнет (себе) остров, который не сможет сокрушить ни один поток.

Обладая неправильным пониманием, духовно незрелые повергают себя в невнимательность. Человек, обладающий пониманием, охраняет внимательность как свое главное сокровище.

«Дхаммапада», строфы 24-26.

Глава 27. Чихание

Правила монашеской общины возникали как отклик на определенные случаи, подсказывающие Будде, какие наставления давать относительно поведения, которого он ожидает от своих учеников. В следующей истории рассказывается об одном таком случае, и она служит хорошим примером как ясности, так и прагматизма, с которыми Будда справлялся с различными ситуациями.

Однажды, давая учение большому числу монахов, Будда случайно чихнул. Немедленно монахи хором стали говорить: «Будь здоров, Владыка, будь здоров!» – как обычно говорили, когда кто-то чихал. Шум от этих слов не стихал несколько секунд и прервал течение проповеди.

– Монахи, – сказал Будда, – когда вы говорите «будь здоров» кому-то, кто чихает, имеет ли это на самом деле какое-то значение? Действительно ли это вопрос жизни и смерти?

– Конечно нет, Владыка.

– Тогда я хочу, чтобы вы прекратили говорить «будь здоров», когда кто-то чихает. С этого времени таково правило.

Вскоре после этого случая один из монахов чихнул, будучи в деревне, и деревенский житель откликнулся традиционными словами «будь здоров». Монахи, которые при этом присутствовали, смутились, и, вместо того, чтобы ответить вежливо, как обычно: «И ты будь здоров», – промолчали. Обиженный крестьянин рассказал об этом случае, и вскоре люди начали жаловаться и говорить, что последователи Будды очень грубы и с пренебрежением относятся к тому, что кто-то желает им здоровья, если они чихнут.

Это обеспокоило монахов, и они рассказали об этом Будде, который предложил компромисс. «Хорошо, монахи, – сказал он. – Обычные люди привыкли к своим суевериям, и не стоит давать им повод обижаться. Если они говорят вам «будь здоров», когда вы чихаете, вы можете, как водится, ответить

им «и ты будь здоров», но между собой мы можем забыть о подобных суевериях».

Ум так ветрен и слабо поддается контролю, он воспламеняется от всего, что ему приятно. Хорошо укрощать ум. Укрощенный ум приносит счастье.

Ум чрезвычайно тонок, его сложно ухватить, он воспламеняется от всего, что ему приятно. Пусть человек, обладающий пониманием, постоянно наблюдает за своим умом. Предусмотрительный ум приносит счастье.

«Дхаммапада», строфы 35-36.

Глава 28. Оскорбление брамина

В то время, когда Будда остановился в Верандже с большим числом своих последователей, брамин по имени Удая, который слышал много критических суждений о Будде от своих братьев-браминов, пришел посетить его. После обмена вежливыми приветствиями брамин заговорил, и вскоре стало ясно, что он пришел для того, чтобы поставить Будду на место.

– Мастер Готама, я слышал, люди говорят, что вы не выказываете должного почтения к старым и ученым браминам, и я своими глазами видел, что это так. Так не следует себя вести, Мастер Готама.

Будда ответил не сразу:

– Брамин, нет никого в целом мире, кто был бы достоин почитания Просветленных. Если бы Будда выказывал почтение каждому, у него бы лопнула голова!

– У Мастера Готама нет вкуса! – резко ответил брамин.

– Что ж, в каком-то смысле можно сказать, что у меня нет вкуса, потому что я утратил вкус к миру чувств. Но ты, несомненно, имел в виду не это?

– Для Мастера Готама нет ничего ценного!

– В каком-то смысле можно сказать, что для меня нет ничего ценного, потому что я не придаю никакой ценности миру чувств. Но ты, несомненно, имел в виду не это.

– Мастер Готама учит бездействию!

– В каком-то смысле можно сказать, что я учу бездействию, потому что я учу, что человек должен бездействовать перед лицом провокации или соблазна и не вовлекаться в дурные деяния тела, речи и ума. Но ты, несомненно, не это имел в виду?

– Мастер Готама учит нигилизму!

– В каком-то смысле можно сказать, что я учу нигилизму, потому что я учу уничтожению жадности, ненависти и неведения. Но ты, несомненно, не это имел в виду?

– Мастер Готама учит отрицанию!

– В каком-то смысле можно сказать, что я учу отрицанию, потому что я учу отрицанию всех дурных деяний тела, речи и ума. Но ты, несомненно, не это имел в виду?

– Мастер Готама учит разрушению!

– В каком-то смысле можно сказать, что я учу разрушению, потому что я учу разрушению жадности, ненависти и неведения. Но ты, несомненно, не это имел в виду?

– Мастер Готама учит умерщвлению плоти!

– В каком-то смысле можно сказать, что я учу умерщвлению, потому что я учу умерщвлению всех действий, коренящихся в жадности, ненависти и неведении. Но ты, несомненно, не это имел в виду?

– Мастер Готама отрицает перерождение!

– В каком-то смысле можно сказать, что я отрицаю перерождение, потому что, полностью освободившись от всех омрачений, я больше никогда не обрету перерождения в трубе. Но ты, несомненно, не это имел в виду?

В конце концов, гнев брамина и его недоброжелательность иссякли, и у него не осталось оскорблений, чтобы швыряться ими в Будду. Видя это, Будда задал ему вопрос:

– Брамин, скажи мне, если курица тщательно высидела яйца, и один из цыплят смог выбраться из одного из этих яиц прежде других, используя клюв, чтобы пробить скорлупу, ты назовешь этого цыпленка старшим или младшим?

– Старшим, Мастер Готама.

– Точно так же, брамин, в этом мире, заключенном в

скорлупу неведения, я первым пробил скорлупу, поэтому, воистину, меня можно назвать старшим братом мира.

Будда продолжил описывать раскрытие своего Просветления как прорыв через одну скорлупу за другой, ведущий со временем к достижению полного освобождения. К тому времени, как Будда закончил, брамин был полностью покорен и радостно воскликнул: «Мастер Готама – воистину старший брат мира. Мастер Готама – воистину лучший из людей. Это чудесно, Мастер Готама, чудесно. Это подобно тому, как возвращается на место перевернутая вещь, как открывается нечто, что было давно спрятано, как лампа вносится в темную комнату, чтобы все могли ясно видеть. Мастер Готама очень ясно показал мне истину. Я обращаюсь к прибежищу в Мастере Готаме, в его учении и его общине с этого дня и до конца моей жизни».

Переживания предваряются умом, ведутся умом и создаются умом. Если некто говорит или действует с нечистым умом, страдание следует за ним, как колесо повозки следует за быком (тянущего повозку).

Переживания предваряются умом, ведутся умом и создаются умом. Если некто говорит или действует с чистым умом, счастье следует за ним, как его тень.

«Дхаммапада», строфы 1-2.

Глава 29. Царский визит

Однажды Будда пребывал в Раджагахе, в манговой роще царского врача Дживаки, вместе с примерно 1250 монахами. Была ночь полнолуния, и царь Магадхи Аджатагатту сидел на крыше своего дворца, окруженный придворными. Царь пребывал в беспокойном расположении духа, поскольку он задумал заговор против своего отца, бывшего царя Бимбисары, друга и верного ученика Будды. Когда старый царь узнал о заговоре, он с готовностью отдал свой трон Аджатагатту, но даже тогда полный страха и недоверия царевич заточил своего отца в тюрьму и со временем уморил его голодом.

«Это прекрасная ночь полнолуния, – воскликнул Аджатагатту, – благоприятная ночь для того, чтобы посетить какого-нибудь святого, который вернул бы покой моему уму».

Один за другим его министры и советники стали предлагать разных святых, но царь встречал каждое предложение гнетущим молчанием. Он посетил их всех, беседовал со всеми, и нашел, что всем чего-то не хватает. Предложений больше не последовало, и Аджатагатту повернулся к своему врачу, Дживаке:

– Друг Дживака, почему ты ничего не скажешь?

Дживака заговорил:

– Есть еще Готама, Будда, господин. Он остановился в моей манговой роще с 1250 монахами. Если бы вы посетили его, возможно, он бы помог вам обрести покой ума.

Аджатагатту согласился с предложением:

– Хорошо, давай посетим его, Дживака. Приготовь моих слонов.

Царь отправился не один. Помимо царского слона, на котором он поехал с Дживакой, в путь отправились еще

пятьсот слонов с царскими женами и большим числом солдат и факельщиков. Царская процессия медленно двинулась из города в окрестности, к уединенной манговой роще Дживаки. Когда они приблизились к манговой роще, им показалось, что воздух дрожит от невероятной тишины, и Аджатасатту испугался. Волосы встали дыбом у него на голове.

– Дживака, ты обманываешь меня? – спросил он. – Ты ведешь меня в ловушку, расставленную моими врагами? Ты сказал, что Будда пришел сюда с 1250 монахами. Однако мы не слышим ни единого голоса, кашля или чихания. Как такое возможно?

– Ваше Величество, не нужно бояться. Я бы никогда не предал вас и не отдал в руки ваших врагов. Видите тот свет в отдалении? Там Будда сидит со своими монахами. Давайте пойдем к нему.

Подъехав так близко, как смогли, Дживака и Аджатасатту спешили со слона и вступили в манговую рощу. Их ждало удивительное зрелище. В маленькой беседке, подперев спину подушкой, сидел Будда, а вокруг него, в полной тишине, подобно спокойному озеру, сидели сотни медитирующих монахов.

«Если бы только мой сын познал подобный мир и покой!» – сказал глубоко тронутый Аджатасатту.

Царь почтительно приблизился к Будде и сел около него. Он задал ему множество вопросов, и Будда отвечал ему, дав духовные учения. Они просидели вместе долгое время, и беседа произвела большое впечатление на Аджатасатту. Он попросил Будду принять его в качестве ученика-мирянина и признался ему в ужасном зле, которое он совершил, убив своего отца.

Будда выслушал его исповедь и принял его в качестве ученика, и после формального прощания они расстались.

Когда царь ушел, Будда объявил, что судьба Аджатасатту решена. Его деяния вскоре настигнут его. Но, если бы на нем не было смерти его отца, он мог бы пробудиться к истине той самой ночью и прочно утвердиться на пути к Просветлению.

Пока зло не приносит плодов, совершающий дурное видит зло, (которое он совершил), как благое. Когда зло приносит плоды (в форме страданий), он распознает его как зло.

Пока добро не приносит плодов, добрый человек видит добро, (которое он совершил), как зло. Когда добро приносит плоды (в форме счастья), он распознает его как добро.

«Дхаммапада», строфы 119-120.

Глава 30. Угга

Угга из Хаттхигама был одним из главных учеников Будды среди мирян. Он был зажиточным ростовщиком и стал известен своей щедростью и заботой в служении ордену монахов. Он впервые встретился с Буддой при крайне неблагоприятных обстоятельствах. Будда пришел в Хаттхигаму и остановился в парке у окраины города. Однажды, не зная о том, что там находится Будда, Угга пришел в парк с группой друзей и танцовщиц. Он пил и пировал уже семь дней и был пьян и растрепан. Выйдя на поляну, Угга вдруг увидел безмятежную и прекрасную фигуру Будды, сидящего в созерцании под деревом. Другие гуляки метались между побуждением посмеяться над ним и неприятным желанием ускользнуть куда-нибудь еще и продолжить свое веселье. Но на Уггу вид Будды произвел яркое впечатление. Он понял, в сколь нетрезвом состоянии он находится и какой распутный образ жизни ведет, и его охватил стыд. Хмель мгновенно выветрился у него из головы, и ум стал ясным.

Оставив своих товарищей, Угга приблизился к Будде и выразил ему почтение. Будда пригласил Уггу сесть рядом с собой, и вскоре между ними завязалась глубокая беседа. Будда понял, что его посетитель открыт, восприимчив и готов получить его учения, поэтому он шаг за шагом ввел его в глубокое понимание истинной природы вещей. Духовное видение Угги раскрылось и стало столь глубоким, что ему больше не было нужды перерождаться в человеческом измерении. В тот самый день он стал «не возвращающимся» и мог быть уверен в том, что после смерти он быстро достигнет Просветления. Отвергнув прежний образ жизни, Угга стал преданным и щедрым учеником Будды.

Посетив Хаттхигаму несколько лет спустя, Будда произнес хвалу восьми особым и чудесным качествам Угги, хотя и не назвал их. Монах, который слышал это, подошел к Угге и спросил у него, что это за качества, раз Будда ценит их так

высоко. Угга ответил, что не может сказать, что имел в виду Будда, но может рассказать монаху о восьми чудесных вещах, которые с ним произошли.

«Во-первых, когда я впервые увидел Будду в парке много лет назад, хмель мгновенно полностью выветрился у меня из головы. Я выразил почтение Будде, и он дал мне учение о щедрости и нравственности, развернув передо мной весь духовный путь.

Во-вторых, когда Будда увидел, что мой ум готов, он дал мне учение о страдании, его причине, прекращении и пути, ведущему к этому прекращению. Я быстро понял глубокое значение этого учения и пробудился к истинной природе вещей.

В-третьих, в то время у меня было четыре молодых и прекрасных жены. Разрушив оковы чувственных желаний и оставшись домохозяином, я решил жить в безбрачии и преданности учениям Будды. Я предложил своим женам выбор: они могут присоединиться ко мне в новой жизни или, если они это предпочитают, я освобожу их от брачных обязательств и найду им другого мужа. Три младших жены решили последовать за мной, но старшая попросила свободы. Я отдал ее замуж за человека, которого она выбрала, и не почувствовал при этом никакой ревности.

В-четвертых, я могу поделиться моим значительным богатством с добрыми и благородными людьми, поддерживая Будду и его учеников.

В-пятых, когда бы я ни служил монаху, я делаю это всем сердцем. Если монах проповедует, я серьезно слушаю. Если монах не проповедует, я сам даю учение.

В-шестых, ко мне часто приходят боги и рассказывают мне о разных качествах и достижениях различных монахов, побуждая меня кормить тех, кто заслуживают этого больше всех, и, следовательно, я обрету больше заслуг сам. Но я не

обращаю внимания на подобные советы и служу всем в равной мере.

В-седьмых, я не горжусь тем, что боги приходят ко мне и говорят со мной подобным образом.

И, наконец, я не боюсь смерти, потому что Будда заверил меня, что мне нет нужды в том, чтобы возвращаться в этот или низшие миры».

Позже монах передал этот разговор Будде, и Будда отметил, что Угга перечислил как раз те качества, которые он имел в виду.

Воистину, человек – свой собственный спаситель (или: защитник). Какой другой спаситель ему нужен? Человек, хорошо контролирующийся себя, едва ли найдет лучшего спасителя.

Зло, совершенное самим человеком, зародившееся в самом человеке, сотворенное самим человеком, разрушает человека, не обладающего должным пониманием, как алмаз сокрушает кусок горного хрусталя.

Легко совершаются дурные поступки, не приносящие пользы самому человеку. То, что и полезно, и хорошо, чрезвычайно трудно совершить.

«Дхаммапада», строфы 160-161 и 163.

Глава 31. Устойчивость ордена

Когда Будде исполнилось восемьдесят, начался год его жизни, который должен был стать последним. Он остановился вместе с Анандой, его двоюродным братом и постоянным спутником на протяжении последних двадцати пяти лет, на горе Коршуна, неподалеку от города Раджагаха. С этой выгодной позиции они могли рассмотреть распростертые внизу джунгли и поля и увидеть дома и дворцы многолюдного города, огни которого светились в долине.

В своем дворце в Раджагахе царь Аджатапатта разрабатывал план вместе со своим министром Вассакарой. Он хотел атаковать соседнюю республику вадджиян и присоединить ее к своему царству Магадха. Царь отправил Вассакару к Будде с точными указаниями: «Отправляйся к Будде, Вассакара. Выкажи ему почтение и поприветствуй его от моего имени. Затем скажи ему, что царь Аджатапатта собирается напасть на вадджиян и превратить их города в руины. Слушай внимательно, что он скажет тебе в ответ, потому что Будда никогда не лжет. Затем возвращайся и расскажи мне».

Вассакара приказал подать ему царскую колесницу и подъехал в ней настолько близко, насколько это было возможно, к подножию горы Коршуна. Там он оставил колесницу и продолжил свой путь пешком, взобравшись по крутому склону горы туда, где остановился Будда. Добравшись до вершины, он приветствовал Будду, выказал ему почтение и передал сообщения Аджатапатта. Ананда стоял позади Будды, обмахивая его, и Будда обернулся и заговорил с ним.

– Ананда, знаешь ли ты, часто ли проводят вадджияне сборы и хорошо ли их посещают?

– Я слышал, все именно так, Владыка.

– Пока они продолжают так делать, Ананда, они, скорее

всего, будут процветать и не придут в упадок. Не знаешь ли ты, собираются ли они в гармонии, решают свои дела в гармонии и расходятся в гармонии?

– Я слышал, все именно так, Владыка.

– Пока они продолжают так делать, Ананда, они, скорее всего, будут процветать и не придут в упадок.

Будда продолжил в том же духе:

– Ананда, не знаешь ли ты, живут ли вадджияне согласно своим традиционным законам, никогда не меняя их и не вводя новых законов? Почитают ли они и уважают своих старейшин и прислушиваются ли к их советам и опыту? Живут ли они в мире, не похищая и не насилуя женщин и девушек своих и соседних племен? Почитают ли они традиционные святилища вадджиян? Приветствуют ли они Просветленных и заботятся ли о них и их последователях, которые вступают на территорию вадджиян?

На каждый вопрос Ананда отвечал: «Я слышал, все именно так, Владыка». И вслед за каждым ответом Будда заключал, что, пока вадджияне будут продолжать так жить, они останутся сильным и процветающим народом.

Обернувшись к Вассакаре, Будда сказал ему, что он сам, пребывая в Весали, научил вадджиян этим семи правилам поведения, которые сохраняют их от упадка, и уверил их, что, пока вадджияне помнят эти правила, применяют их и учат им, они останутся сильными и процветающими, и их племя не придет в упадок.

Вассакара был доволен тем, что услышал, и сам пришел к такому выводу: «Пока вадджияне остаются верны хотя бы одному из этих правил, не говоря уже о семи, они останутся сильны. Царь Аджасатту никогда не добьется от них ничего сражениями. Единственный путь покорить таких людей для него – подкупить некоторых из них и внести раздоры между ними». Высказав это замечание, он выразил почтение Будде и

вернулся во дворец.

На какое-то время Будда погрузился в глубокое размышление. Затем он обернулся к Ананде и попросил, чтобы он собрал всех монахов, живущих в окрестностях, на встречу. Он знал, что его смерть близка, и встреча с министром Аджатакатту заставила его задуматься о будущем его монашеского ордена. Когда монахи собрались, Будда занял свое место и заговорил с ними:

«Монахи, я хочу, чтобы вы уделили моим словам пристальное внимание и выслушали очень прилежно то, что я хочу вам сказать. Я хочу научить вас семи вещам, которые станут залогом того, что наша община продолжит процветать и впредь и не придет в упадок.

Пока монахи часто собираются вместе в большом количестве, община продолжит процветать и не придет в упадок. Пока они собираются в гармонии, решают свои дела в гармонии и расстаются в гармонии, община продолжит процветать и не придет в упадок. Пока монахи придерживаются порядков и правил упражнения, которые мы установили, и не будут изменять их и вносить поправки, община продолжит процветать и не придет в упадок. Пока монахи почитают и уважают тех, кто давно вступил на путь и обладает глубоким опытом жизни в ордене, и следуют их наставлениям, община продолжит процветать и не придет в упадок. Пока монахи не попадают под власть страстных желаний, община продолжит процветать и не придет в упадок. Пока есть монахи, которые живут простой жизнью в лесу, община продолжит процветать и не придет в упадок. Пока монахи поддерживают чистую осознанность, и новые благие друзья в святой жизни стремятся присоединиться к ним, а те, кто уже избрал эту жизнь, способны жить счастливо вместе, община продолжит процветать и не придет в упадок. И до тех пор, пока эти семь правил будут соблюдаться всеми вами, до тех пор продолжит процветать и не придет в упадок и наша община».

Но это было не все. Будда продолжил и назвал еще семь условий, которые сохраняют общину от упадка и упрочат ее дальнейшее процветание:

«Пока монахи будут избегать поиска удовольствий и удовлетворения в делах и постоянной занятости, сплетен и бесполезной болтовни, лени и сонливости, пустого общения, пока они не будут поддаваться чарам дурных желаний или дурных друзей, которые могут сбить их с толку, и пока монахи не станут отвлекаться на обретение часто мирских сил и останавливать духовный путь на середине, община продолжит процветать и не придет в упадок».

Чем больше говорил Будда, тем больше мыслей приходило к нему в голову, и он выразил свою озабоченность будущим ордена, который он основал. Он убеждал своих монахов посвятить себя искренней заботе о гармонии и совместной жизни общины и однонаправленному стремлению к высочайшей цели.

Строители каналов отводят воду, лучники выпрямляют стрелы, плотники придают форму дереву, а духовно зрелый человек упражняет себя.

Как прочный камень не может сотрясти ветер, так и духовно зрелого человека не поколеблет ни хвала, ни порицание.

Услышав Истину Вещей, духовно зрелый обретает проникновение, как глубокое озеро (внезапно) становится чистым и безмятежным.

«Дхаммапада», строфы 80-82.

Глава 32. Последние дни

Будда проводил свой последний сезон дождей с Анандой в маленькой деревушке под названием Белува, неподалеку от Весали, и заболел там дизентерией. Его тело раздирала мучительная боль, и он был уже при смерти, но, желая обратиться к своим ученикам с должными прощальными словами, Будда подчинил болезнь огромным усилием воли и медленно начал поправляться. Когда, наконец, он смог встать с постели и немного посидеть на солнце, Ананда вздохнул с облегчением. Он видел, насколько близок к смерти был Будда, и боялся, что это конец. Он подбадривал мыслью, что, несомненно, его учитель не умер бы, не дав последних наставлений общине своих учеников. Когда он поведал свои мысли Будде, тот мягко выбранил его: «Но, Ананда, чего еще община ждет от меня? Я передал вам все, что я знаю. Я ничего не утаил, не оставил секретов, которые еще предстоит открыть. Я стар, и это тело подобно ветхой повозке, скрепленной кусками веревки, повозке, которая скоро развалится. Только когда я полностью отрываюсь умом от тела, я чувствую себя свободным от боли и неудобства. Пришло время, когда каждый из вас должен стать островом, прибежищем самому себе, и больше не полагаться на меня. Вы должны сделать своим прибежищем Истину и ее одну и всем сердцем отдаться обретению ее в себе».

Когда Будда достаточно окреп, они с Анандой отправились в последнее путешествие. Куда бы он не приходил, весть о его появлении быстро разносилась между учениками, жившими по соседству, и люди собирались толпами, чтобы увидеть его. Несмотря на слабость, Будда снова и снова отдавал себя. Он отвечал на вопросы о духовной жизни и еще раз побуждал и вдохновлял их прикладывать все возможные усилия.

Будда и Ананда переходили из города в город, из деревни в деревню, пока не подошли к дворцу под названием Пава. Там Будду покормил один из его учеников, ювелир по имени Чунда. Дизентерия вернулась, и Будда понял, что его время

пришло. Они с Анандой продолжили путешествие, но Будда очень ослабел и часто испытывал сильную боль. Несмотря на это, со своей обычной добротой и заботой Будда отправил письмо Чунде, заверяя его, что ему не стоит винить себя или сожалеть о том, что пища, данная им, снова вернула Будду к смертельной болезни. Напротив, в последний раз накормить Будду – это поступок, заслуги от которого очень велики.

Им приходилось часто останавливаться, и как-то к Будде, мирно отдыхающему под деревом, подошел человек по имени Пукусса, ученик Алары Каламы, учителя, от которого юный Сиддхартха Готама сам впервые обучался около пятидесяти лет назад. Они заговорили, и когда Пукусса услышал слова Будды, сердце его открылось, и он попросил Будду принять его в качестве ученика. У Пукусы было с собой прекрасное златотканое полотно, и он спросил, может ли он сделать из него одеяния для Будды и Ананды. Будда согласился, и одеяния были должным образом сделаны и доставлены им. Однако, когда превосходная ткань была обернута вокруг плеч Будды, она померкла в сравнении с прекрасным сиянием его золотой кожи. Ананда указал ему на это, и Будда сказал, что есть только два события, с приходом которых кожа Будды обретает такую чистоту и сияние. Первый раз это случилось накануне его Просветления, а второй раз знаменует приближение смерти. Печальна была эта новость для верного Ананды, который испытывал ужас при мысли о том, что потеряет своего учителя.

Будда и Ананда продолжили свое путешествие и со временем пришли в приятную рощу саловых деревьев неподалеку от города Кусинары. Между несколькими деревьями было каменное ложе, и Будда лег на него, устроившись на боку, и приготовился к смерти. Саловые деревья расцвели, хотя время года было неподходящее, и дождь лепестков мягко опустился на Будду. Ананда сделал все, что мог, чтобы Будде было удобно и у него было все необходимое. Когда распространилась весть о том, что пришел последний час их

учителя, другие ученики тоже собрались в саловой роще. Спустя какое-то время Будда поднял глаза и сказал, что Ананды больше нет рядом. В ответ на его вопрос о том, куда он ушел, ему сказали, что он поблизости, оперся о дверной косяк, рыдает и повторяет: «Мне еще так многому нужно научиться, а мой учитель, бывший ко мне так добр, скоро уйдет!»

Будда послал за Анандой и мягко заговорил с ним: «Подойди, Ананда, не плачь. Несомненно, к этому моменту ты должен был понять, что нам приходится разлучаться со всеми, кого мы любим. Как может нечто, появившись на свет, не прийти к концу? Долгое время ты неустанно служил мне с огромной любовью и добротой. Ты обрел великие заслуги, Ананда. Просто приложи усилия, и вскоре ты достигнешь Просветления».

Затем Будда обернулся и обратился к другим монахам, разделявшим многочисленные благие качества Ананды. Когда наступил вечер, он попросил Ананду пойти в Кусинару и рассказать местным жителям о том, что этой ночью в саловой роще умрет Будда. Ананда должен был пригласить их выразить почтение и таким образом в последний раз получить пользу от пребывания в присутствии его мудрости и сострадания. Людей из Кусинары собралась огромная толпа, и многие из них рыдали и были глубоко опечалены новостью. Их было так много, что Ананда попросил их разделить на семьи и по очереди подводил каждую группу к Будде.

Пришел также и странствующий отшельник по имени Субхаддха, который случайно проходил через Кусинару. Он услышал новость о том, что Будда умирает, и понял, что это последняя возможность получить от него учение. Он подошел к Ананде и спросил у него, не может ли он поговорить с Буддой.

«Ты пришел слишком поздно. Будда очень устал. Не

беспокой его теперь». Полный разочарования, Субхаддха повторил свою просьбу, но Ананда настаивал на отказе, говоря: «Субхаддха, ты слишком поздно пришел, Будда умирает, и теперь не время его беспокоить». Как бы слаб ни был Будда, до него донесся их разговор, и он попросил Ананду пустить к нему Субхаддху.

Субхаддха подошел к Будде и выразил ему почтение. Он начал задавать вопросы о том, какие из известных учителей того времени обладали подлинным проникновением, а какие нет, но у Будды не было времени на подобные вопросы. Он прямо передал ему суть своего учения, и Субхаддха немедленно и искренне откликнулся на него. Он попросил Будду принять его в свой монашеский орден. Отшельники, которые следовали другим учителям, обычно проходили испытание в течение четырех месяцев перед посвящением. Узнав об этом, Субхаддха заявил, что он был бы рад ждать и четыре года, но Будда ясно видел, что он не поколеблется в своей преданности, и приказал Ананде посвятить его тут же.

Настала ночь, и в первые утренние часы огромное число монахов собралось в саловой роще. Будда в последний раз обратился к своим последователям: «Если у кого-то из вас есть сомнения или вопросы, говорите сейчас. Не сожалейте позже, что вы были в присутствии Будды и не задали вопроса». Трижды он повторил этот призыв, и каждый раз ответом было молчание. Для того, чтобы убедиться, что ни один монах не упустил этой возможности, он сказал: «Монахи, если вы боитесь говорить, потому что я внушаю вам страх, скажите другу, а он скажет мне». И снова собрание было безмолвно. Уверенный, что сделал все, что мог, для своих учеников, Будда произнес свои последние слова: «Все составное непостоянно. Продолжайте усилия с внимательностью».

Затем, войдя в глубокую медитацию, Будда умер.

Не совершать ничего дурного, совершать то, что (нравственно) искусно, (и) полностью очищать ум – таково наставление Просветленных.

«Дхаммапада», строфа 183.

Список отсылок к палийским источникам

(по главам)

1. «Маджхима-никайя», 26; «Сутта Нипата», 3, 11.
2. «Маджхима-никайя», 26 и 36.
3. «Маджхима-никайя», 26 и 36.
4. «Маджхима-никайя», 26, «Винайя Махавагга», 1.
5. «Винайя Махавагга», 1.
6. «Винайя Махавагга», 1.
7. «Удана», 3, 2.
8. «Маджхима-никайя», 61.
9. «Винайя Куллавагга», 7.
10. «Винайя Куллавагга», 6.
11. «Винайя Махавагга», 10.
12. «Маджхима-никайя», 128.
13. «Самьютта-никайя», 1, 172-173.
14. «Удана», 4, 1.
15. «Маджхима-никайя», 86.
16. «Маджхима-никайя», 95.
17. «Самьютта-никайя», 1, 237-238.
18. «Самьютта-никайя», 1, 177-178.
19. «Винайя Махавагга», 5.
20. «Удана», 1, 10.
21. «Самьютта-никайя», 1, 179.
22. «Тхеригатха», 63; Комментарий к «Дхаммападе»

- («Буддийские легенды» Общества палийских текстов), 8, 13.
23. «Дигха-никая», 11.
 24. «Удана», 8, 7; «Тхерагатха», 260.
 25. «Винайя Махавагга», 8.
 26. «Ангуттара-никая», 4, 216-220; комментарий к «Суттанипате», 1, 217-224. См. также «Словарь палийских имен собственных», 1, 291-292.
 27. «Винайя Куллавагга», 5.
 28. «Ангуттара-никая», 4, 192-199.
 29. «Дигха-никая», 2.
 30. «Ангуттара-никая», 4, 212-216.
 31. «Дигха-никая», 16.
 32. «Дигха-никая», 16.

Глоссарий

некоторых терминов из строф Дхаммапады

Обращение к Прибежищу

Так буддисты говорят о предании себя духовному пути, в отличие от мирских целей.

Три Прибежища

Это Будда, идеал мудрости и сострадания, воплощенный в историческом Будде, но его потенциал присутствует во всех существах, Дхарма, Истина и путь, ведущий к состоянию Будды, и Сангха, содружество тех, кто обрел мудрость и сострадание Будды и кто служит наставниками и вдохновителями всем, кто следует по буддийскому пути.

Четыре истины арьев

«Арья» – это древнеиндийское слово, означающее «благородный», и в буддизме оно стало использоваться для выражения величайшего уровня духовного развития. Это истина страдания, его причины, которой является страстное желание, прекращения страдания и «благородного восьмеричного пути», ведущего к прекращению страдания.

Нирвана

Состояние, которого достигает Просветленное существо. Говорится, что оно находится за пределами слов и представлений. Это состояние, свободное от жадности, ненависти и неведения. В позитивном смысле это состояние, наделенное мудростью, которая проникает в самую

сердцевину существования, и безграничным состраданием. Традиционные эпитеты для нирваны – «прохладная пещера», «освобождение», «остров посреди потоков», «запредельное» и «дальний берег».

Страдание, непостоянство и отсутствие самобытия

Это три знака или характеристики «обусловленного существования», то есть мира обыденных явлений, иногда называемого сансарой. Оно называется «обусловленным существованием», потому что Будда узрел, что все явления постоянно возникают и исчезают в зависимости от бесконечно изменяющихся условий. Когда Будда учил, что обусловленное существование – это страдание или неудовлетворенность, он не говорил, что в обычной жизни нельзя найти счастье или удовольствие, а просто указывал, что мы строим свое счастье на вещах, которые не длятся долго, и, следовательно, страдаем. Подлинное счастье можно обнаружить только в обретении Просветления, глубокого знания и видения подлинной природы вещей, неотделимого от совершенной мудрости и сострадания.

Искусные и неискусные

В рамках буддийской этики эти слова используются по отношению к поведению. Искусные действия – это те, которые обуславливаются такими состояниями ума, как покой, любовь и мудрость, ведут к счастью для себя и других. Неискусные действия обуславливаются такими состояниями ума, как жадность, ненависть и заблуждение и ведут к страданию для себя и других.

Содержание

Об авторе		3
Введение		5
Глава 1.	Уход	9
Глава 2.	Странник	15
Глава 3.	Просветление	19
Глава 4.	Первые ученики	22
Глава 5.	Община растет	26
Глава 6.	Огнепоклонник	30
Глава 7.	Нанда и нимфы	34
Глава 8.	Рахула	38
Глава 9.	Царевичи и брадобрей	41
Глава 10.	Анатхапиндика	46
Глава 11.	Ссорящиеся монахи	50
Глава 12.	Совершенное братство	53
Глава 13.	Пахарь	56
Глава 14.	Прекрасная манговая роща	59
Глава 15.	Ангулимала	62
Глава 16.	Юношеский вызов	67
Глава 17.	Маленький уродец	72
Глава 18.	Гордец	74
Глава 19.	Больные ступни Соны	76
Глава 20.	Бахия в одеянии из коры	79
Глава 21.	Спорщик	82
Глава 22.	Горчичное семя	84
Глава 23.	Чудеса	87
Глава 24.	Ананда	91
Глава 25.	Больной монах	94
Глава 26.	Якша Алави	96
Глава 27.	Чихание	100
Глава 28.	Оскорбление брамина	102
Глава 29.	Царский визит	105
Глава 30.	Угга	108
Глава 31.	Устойчивость ордена	111
Глава 32.	Последние дни	115
Список отсылок к палийским источникам		120
Глоссарий		122